

Николь Галанина
Отверженный

Николь Галанина

Отверженный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42596435

ISBN 9785449680471

Аннотация

Юная Амисалла покидает родное государство Хевилон ради возможности стать признанным врачом, ведь это мечта всей её жизни. Но в Авалорийской империи, родных краях отца и матери, ей доведётся пережить немало тяжёлых испытаний.

Содержание

Часть первая	5
От конца к началу	5
Глава I. Лиэс	6
Глава II. Амисалла	17
Глава III. Амисалла	39
Глава IV. Амисалла	60
Глава V. Лиэс. Амисалла	89
Глава VI. Амисалла	120
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Отверженный

Николь Галанина

© Николь Галанина, 2019

ISBN 978-5-4496-8047-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

От конца к началу

Глава I. Лиэс

Тихое солнечное утро, бывавшее спокойным даже в таком месте, как королевский дворец, обещало стать одним из самых неудачных в жизни Лиэса. Он, привыкший вставать с первым пением ранних пташек, проснулся, едва над его головой трубно прогремело оглушительное:

– Поднимайся! Скорее!

Чуть разлепив веки, Лиэс с удивлением обнаружил стоящим над собой своего старшего брата, Оруэна. Красивое лицо Оруэна выражало привычную смесь брезгливости и равнодушия: так он относился ко всем окружающим, исключая родителей, но ему упорно рукоплескали, расхваливая его утончённую вежливость и ставя её в пример Лиэсу, чтобы он научился хоть галантности, раз талантов у него нет.

Наклонившись, Оруэн встряхнул его за плечо.

– Лиэс, ты собираешься просыпаться? Ты должен помочь мне!

– Помочь... – неразборчиво пробормотал Лиэс и машинально поднял голову над подушкой. – В чём?

– Сегодня мы едем на охоту, – возвестил Оруэн, задорно сверкая глазами и нетерпеливо прищёлкивая каблуком сапога по звонкому полу. – Поэтому я встал так рано и зову тебя; тебе нужно приготовиться. Мы выезжаем на целый день.

– Но я не собирался никуда ехать сегодня.

Усевшись в постели, Лиэс принялся сосредоточенно протирать глаза кулаками. Охота была любимым развлечением его брата и всей многочисленной толпы молодёжи при королевском дворе, но он этого развлечения никогда не понимал и потому не принимал в нём участия. Наверное, отказ от убийства животных прибавил пару минусовых очков к его образу в глазах прекрасных дам, но уж их мнение интересовало его в последнюю очередь. Привыкший быть один, он никогда не волновался по поводу того, что о нём думают окружающие, поскольку те крайне редко имели счастье о нём вспомнить.

Младший сын всесильного регента Империи, он с самого начала очутился в тени. Его заслонили Принцы, Принцесса и собственный старший брат. Ральмунд, наследник престола, купался во всеобщем поклонении потому, что ему повезло получить Королевский Знак на ладони. Илкай, хоть занять трон ему явно не светило, был любим всеми как долгожданный сын Её Величества Влеоны, обходительный кавалер и талантливый музыкант. Принцессой все любовались как девушкой редкостной красоты, образования и происхождения. Но их всех умел затмить Оруэн. Талантами он превосходил Принцев, но те ему не завидовали, а, наоборот, бежали к нему за советом; дамы теряли головы от его комплиментов и мечтали о том, чтобы когда-нибудь вышить на своём носовом платке свои инициалы, сплетённые с его инициалами; мать гордилась им. И даже требовательный и немно-

гословный отец был счастлив иметь такого достойного преемника.

Лиэсу не повезло обрести ничего из того, чем так легко завладел его брат.

Он был усидчив и прилежен на занятиях, но в реальной жизни боялся сказать «нет», зная по опыту семейных взаимоотношений, что этого слова говорить нельзя – оно табу. Чувствуя его неуверенность, девушки к нему не тянулись, а он сам втайне презирал и их, и себя. Их – за то, что они так легкомысленны, пусты и безнравственны, раз меняют поклонников чаще, чем перчатки, а себя – за слабость и неумение быть элегантным в их обществе. При королевском дворе он чувствовал себя скованно, и только в имении матери, находившемся в сотнях миль от Столицы, мог расслабиться. Там же он и увидел настоящую жизнь, где слова и чувства не оценивались как деньги, там увидел истинную храбрость мужчины, идущего в лес на зверя не ради забавы, а ради удовлетворения насущных потребностей; и истинную любовь женщины – любовь к семье, к окружающим, к нему – застенчивому молодому господину, сидящему рядом молча и восхищенными глазами следящему за кипящей вокруг жизнью. К сожалению, ему не позволяли жить в имении вечно; отец не терял надежды пристроить его на какую-нибудь стоящую должность.

– Управлять поместьем Вы не сможете, – часто говорил регент, взглядывая на него поверх бумаг, – Вы совершенно

не умеете контролировать.

Именно поэтому Лиэс работал личным отцовским секретарем, ставя подписи и печати на документах. Это злило его поначалу, но потом он и сам решил, что не способен на большее и что от Оруэна куда больше толку, нежели от него. Мать пыталась поддерживать его, но и она часто вздыхала с укором, когда он отказывался от очередного шумного вечера и забирался куда-нибудь в библиотеку с томом целебной магии под пиджаком. Свои внеурочные занятия он старательно скрывал ото всех, зная, что отцу это может не понравиться. Именно отца он боялся больше всех во дворце, ведь тот был главой не только семьи, но и огромного мощного государства, перед его волей склонялись монархи... Поэтому отец не привык слышать возражения, в том числе – и от своего младшего сына. Оруэну тоже ничего не позволялось, но Лиэсу казалось, что тот чувствует себя счастливым. Ведь у него не было никаких причин быть расстроенным.

Оруэн закатил глаза и испустил долгий мученический вздох.

– Если бы я знал, я пришёл бы на час раньше, – вполголоса пробормотал он. – Ральмунд собирает гончих в полшестого утра. Сейчас без пятнадцати пять. Ты же опоздаешь.

– Я не хочу никуда ехать, – слабо отпирался Лиэс.

Оруэн фыркнул, не поворачивая к нему лица:

– Отец приказал вывезти тебя куда-нибудь, раз уж ты сам никуда не ходишь.

Скрывая красноту, ударившую в лицо, Лиэс поспешно отвернулся. Заслоняясь от брата рукавом, он страдальчески поинтересовался:

– Но для чего? Разве отец не приказывал мне быть в его кабинете сегодня в восемь утра?

– Зачем ты ему нужен, – свысока глядя на него, поинтересовался Оруэн, – у него и без тебя довольно помощников. Тебе тоже нужно куда-то выбираться.

Лиэс недовольно глянул на него поверх рукава:

– Так, значит...

– Довольно рассуждений, – оборвал его Оруэн. – Одевайся и идём! Немедленно!

* * *

Светлое утро середины Свикили бодро встречала энергичная компания королевских бездельников – так в глубине души Лиэс презрительно называл друзей наследников престола. Солнце ещё слабо держалось нижним краем за горизонт, небо ещё было покрыто кроваво-красными размытыми полосами, воздух дышал прохладой и сонным покоем, но внутренний двор кипел от движений, возбуждённых голосов и конского ржания. В центре скучившейся толпы охотников на своём изящном вороном коне красовался Ральмунд; его звенящий от волнения голос казался намного громче, чем он был на самом деле. Приблизившись к внешней границе живого волнующегося кольца, которое образовалось возле Ральмунда, Лиэс заметил, что в левой руке он, как все-

гда, крепко сжимает семихвостую плётку, а на луке седла у него непрочно балансирует начищенное ружьё. Ральмунд не привык обходиться без того или другого; его любимым занятием было хлестать подданных и коней, когда он бывал не в настроении, или даже угрожать им немедленным собственноручным расстрелом. В кровожадности Ральмунда не сомневался никто; в припадке агрессии он мог пригрозить гильотиной даже регенту, швырнуть пистолетом в голову брата или схватить сестру за волосы (правда, с тех пор, как было объявлено о помолвке Принцессы и Оруэна, Ральмунд оставил её в покое и всё зло стал срывать на Илкае). Он был таким жестоким всегда: Лиэсу не составило бы труда вспомнить пару случаев, когда взъярившийся без видимой причины Ральмунд накидывался на учителей, придворных из свиты или беззащитных животных и избивал их до потери сознания. Именно поэтому Ральмунда старались как можно чаще отправлять на охоту: только оттуда он возвращался безобидным и умиротворённым. Но, к сожалению, бешеный огонёк в глубине его светлых, как ледяной панцирь, глаз никогда не угасал полностью, оставаясь молчаливым напоминанием о том, что за зверь сидит внутри него на самом деле.

Возле Ральмунда, как обычно, крутился его брат-близнец Илкай – верный спутник и постоянная груша для битья. Илкай был тих и мирен, словно кроткий ягнёнок в первые часы после рождения, но на охоте и он терял человеческий образ, становясь неконтролируемым и кровожадным. Увидев одна-

жды, как Илкай с лицом, уродливо искажённым злобным торжеством, швыряет тушу подстреленной оленухи на растерзание своим гончим, Лиэс и к нему почувствовал отвращение.

– Ты хоть стрелять умеешь? – шёпотом спросил его Оруэн, пока передние ряды охотников, увлечённые созерцанием Ральмунда, не заметили их появления.

– Естественно! – оскорблённо отозвался Лиэс, но Оруэн, кажется, даже не услышал его ответа.

Один из придворных, самозабвенно рассматривавший ружьё наследника, решил отвлечься, и, отвернувшись, нагнулся на них взглядом. Уже в следующее мгновение прочие головы стали вытягиваться к ним, и нестройный шелестящий шёпот, произносящий различные слова, слился в один вздох: «Он?!»

Конечно, Лиэс знал, к кому это относится. Прикусив губу, он постарался сделать лицо как можно более невозмутимым и унять дрожь в пальцах. Но эти колкие пристальные взгляды преследовали его, и вскоре за ними рванули вопросы. Первым заговорил старинный приятель Оруэна, Сомер Мо, в силу своего благородного происхождения и достаточного богатства не занимавшийся ничем полезным:

– О, Лиэс! Большая честь увидеться с Вами...

– Да, и для меня тоже, – пробурчал Лиэс, старательно увиливая взглядом от заинтересованно вглядевшихся в него лиц.

Сомер настолько воодушевился, что даже подскочил к обоим братьям, обошёл изумлённо застывшего Лиэса по кругу, полюбовался на ружьё, висящее у него на плече, затем отступил на пару шагов назад, сложил руки на груди и заключил в своей привычной манере:

– Это означает, что сегодняшняя охота станет для нас воистину незабываемой! Нужно немедленно оповестить об этом Его Высочество, идёмте!

Проворно ухватив Лиэса и Оруэна за руки, Сомер целеустремлённо заскользил к величественно возвышавшейся на коне фигуре Ральмунда. Им не приходилось пробиваться сквозь толпу: перед ними расступались сами, не забывая, конечно, пробуравить спину Лиэса взглядом и что-то пробормотать потрясённым голосом. Эта толпа действовала на него угнетающе, он с тоской вспоминал мрачный холодный отцовский кабинет и в отчаянии твердил себе, что даже там было бы лучше, чем здесь.

Когда Сомер достиг своей цели – то есть Ральмунда – ему пришлось немало потрудиться, чтобы привлечь к себе августейшее внимание. Ральмунд был занят: он с сосредоточенным видом прицеливался в шляпу одного из своих приближенных, дрожавшего с ног до головы, но не смевшего пикнуть о пощаде. Одно такое слово взбесило бы Ральмунда, и он с удовольствием произвёл бы убивающий выстрел.

– Ваше Высочество! Ваше Высочество! – звонко закричал Сомер и даже подёргал коня Ральмунда за отпущенные узд-

цы.

Не сводя пристального злого взгляда с цели, Ральмунд изогнул бровь, и его губа недовольно подалась вверх, словно у скалящегося зверя.

– Ну что тебе нужно, идиот?

– Вашему идиоту, Ваше Высочество, – смиренно отозвался Сомер, – хотелось бы показать Вашему Высочеству, сколь оно проницательно, если Ваше Высочество посмотрит вниз!

Ральмунд недовольно вздохнул и, дёрнув плечом, с силой нажал на курок. Оглушительный треск раздался словно внутри сознания Лиэса, в воздухе растеклась тонкая дымная пелена, а тот придворный, в которого целился Принц, пошатнулся и неуклюже осел на разогретые солнцем камни под общий смех окружающих. Его вычурная шляпа, украшенная ярко-алым пером, мягко спланировала чуть в стороне, демонстрируя всем желающим небольшую дыру в своей верхней части, возвышавшейся над головой всего на пару сантиметров. Лиэс невольно дрогнул: ему представилось, что это он сейчас стоял на месте того человека и это в него целился безжалостный Ральмунд.

С усталым видом уложив ружьё обратно на луку седла, Принц обернулся к Сомеру:

– Давай, говори, я...

Не dokonчив фразы, он осёкся, и его неестественно большие зрачки сделались ещё больше. Они едва помещались в радужной оболочке, от которой осталось только еле при-

метное тёмно-голубое кольцо. Проскочила секунда – и эти зрачки сузились, сделавшись тонкими, как лучинка, и Лиэсу вдруг показалось, что внутри них он увидел взбесившегося медведя.

– Как, ты тоже не устоял перед охотой, а, Лиэс? – хриплым голосом спросил у него Принц. – Вот и славно... будет нам хорошая компания...

– Ваше Высочество, – тут же вставил своё слово Сомер, – помните, как Вы говорили мне вчера, что охота будет забываемой? Я спросил у Вас, почему, но Вы не ответили; зная, что ответ придёт сюда самостоятельно! Что может быть увлекательнее, чем обучение новичка, Ваше Высочество?

– Не в том была причина, – криво усмехнулся Ральмунд и, грубо выдернув из руки Сомера поводья, нетерпеливо прищёлкнул ими, – а ты это знаешь. Садитесь все на коней и поехали уже, достаточно мы тут стояли!

И опять зашумел и закипел внутренний дворик, вокруг замелькали вспрыгивающие на нетерпеливо храпящих коней дворяне, их носящиеся из стороны в сторону слуги, зарычали гончие, зазвенела сбруя, зашелестели полы одежды, понеслись громкие крики и приказы. Совершенно растерявшийся в этом водовороте, Лиэс очнулся уже на своём коне, куда его бесцеремонно затолкал Оруэн. Громко протрубили трубы, нетерпеливо залаяли натасканные гончие. Ральмунд вскинул голову к небу, словно искрящемуся золотыми капельками солнечного света, приставил ладонь ко лбу козырь-

ком и, привстав в стременах, крикнул:

– Отпирайте ворота!

Послушно застонали петли, побежали назад, накладываясь на ровную белокаменную дорогу, длинные чёрные тени. В окружении свиста и гиканья егерей, ржання, лаянья, криков и возгласов высыпавшего навстречу народа и королевского общества они двинулись на охоту. Ральмунд, оторвавшись от остальных, ехал парой метров впереди, по правую руку от него величаво выступал конь Оруэна, по левую – конь Илкая. Лиэс держался ближе к брату, с недоумением и постепенно возрастающим интересом оглядываясь вокруг. Ему уже тоже не терпелось узнать, что их ждёт в Заповедном Лесу – части огромного Королевского Парка, где могли охотиться только избранные.

– Смотри, не наделай глупостей, – шёпотом предостерег его Оруэн.

– Я попытаюсь, – машинально согласился Лиэс, и их кони стремительно разошлись, оставляя между собой ровные белые камни и скользящие следом тёмно-синие тени.

Глава II. Амисалла

Праздник шестнадцатого дня рождения Амисаллы начался для неё, как только в дверях её комнаты послышалось тонкое взбудораженное пение:

– Просыпайся, сестра, просыпайся... Утро встало давно во дворе... – тянул звонкий мальчишеский голос.

Амисалла зевнула и медленно приоткрыла один глаз, но тут же снова сощурилась, прячась от встававшего за окном солнца. С порога послышался сдавленный смешок, и затем – голос девочки, выводившей:

– Просыпайся, сестра, улыбайся...

– Ведь шестнадцать сегодня стукнуло тебе, – подхватил мальчик.

– А это значит, что ты совершеннолетняя! – перебивая его, крикнула девочка. – Давай! Ты же не хочешь проспять свой день рождения?

Амисалла перевернулась в кровати и, каждой клеточкой тела вбирая в себя свежесть утра, решила расстаться с удобной подушкой. Линна и Лиордан, её младшие брат и сестра, стоявшие на пороге на цыпочках, разразились громогласным хохотом.

– Посмотри на себя! – смеялась Линна, едва удерживаясь на ногах. – Ой, ты только взгляни!! Ну взгляни же, как смешно!

– Амисалла, а ты всегда встаёшь такой растрёпанной? – поддержал Линну Лиордан и схватился за притолоку, содрогаясь от хохота. – Давай позовём художника, он напишет твой портрет и потом будет показывать всем твоим женихам?

– Не смешно, – фыркнула Амисалла и потянулась за зеркальцем, лежавшем на прикроватной тумбочке.

Но, найдя зеркало и взглядевшись в него, она поняла, почему Линна и Лиордан так веселились. На неё глядела усталого вида девушка с глазами, обведёнными синими кругами, её лицо в обрамлении всклокоченных и сбитых в огромные шары тёмных волос, которые походили на колючий куст, было неестественно бледным. Амисалла нахмурилась – отражение ответило ей тем же.

– Лови! – закричал Лиордан, и на колени к ней шлёпнулась расчёска.

– Мы не будем мешать тебе приводить себя в порядок, – прибавила Линна, – пока мы пойдём есть мамино печенье!

– Да, конечно, бегите, – растерянно отозвалась Амисалла.

Оставшись одна, она высунулась из-под одеяла окончательно и, спустив ноги на пол, снова придиричиво стала изучать своё отражение. Вот ей исполнилось шестнадцать лет – в это время большинство девушек Хевилона выходит замуж и обзаводится семейным гнездом. Амисалла нахмурилась ещё сильнее и, запутавшись расчёской в волосах, принялась немилосердно драть их, выдёргивая блестящие под светом

солнца пряди и морщась от боли. Одна её подруга, Мир, давно помолвлена и сыграет свадьбу через полгода – когда ей тоже исполнится шестнадцать. Вторая подруга, Иссаэла, вышла замуж два месяца назад и с тех пор мало виделась с Амисаллой – теперь у неё были свои заботы. И друзья-мальчишки почти все тоже, как назло, либо женились недавно, либо планировали свадьбу.

Амисалла раздражённо вздохнула и показала зеркалу язык.

– То ли я какая-то странная, – вслух сказала она, – то ли это они странные, но мне замуж совсем не хочется. Ведь и нет же никого рядом... Пока есть время, можно учиться, охотиться... даже в университет поступить... В университет в Империи... за граница... новые люди и обычаи... столько всего интересного...

Рассуждая вслух, Амисалла принялась одеваться к завтраку. А, пока она это делала, за окном один за другим оживлялись соседствующие дома, наполняясь звуками, светом и движениями. Она ненадолго остановилась у распахнутого окна, и, высунувшись из него, глубоко вдохнула, стремясь урвать последние капли нетронутой свежести в начинающемся утре. В её семье все вставали задолго до рассвета, за исключением неё – она была единственной, кто, проводя целую ночь на ногах, не мог ограничиться двумя-тремя часами сна. Именно в ночные часы Амисалле работалось лучше всего; просиживая над своими тетрадками и учебниками,

она надолго запоминала материал. А в профессии, которой она намерена была начать добиваться сразу после оглашения оценок при выпуске из пансиона, хорошая память и глубокие знания были необходимы.

Хевилон давно испытывал настолько острый недостаток в хороших врачах, что даже приглашал их из-за границы, что из-за сопутствующих непомерных расходов совсем не нравилось Короне. Поэтому Его Величество Дув Третий принял беспрецедентное решение: разрешить девушкам посещать курсы медицинского факультета наравне с мужчинами. До этого в Хевилоне не было ни одной женщины-врача. Их и сейчас было мало, но это Амисаллу не смущало; она, наоборот, давно уже мечтала стать исключением. И все вокруг в неё победительно верили.

Чувствуя себя королевой нынешнего дня, Амисалла вприпрыжку побежала из своей комнаты. Дверь в её комнату осталась распахнутой, и гуляющий по коридору сквозняк лениво пошевеливал занавески.

В кухне уже слышался скрежет и грохот, перекрываемый весёлыми голосами. Амисалла неосознанно поправила на голове наколку и вошла, чтобы мгновенно застыть от счастливого изумления.

– С днём рождения! – одновременно прокричали родители, Линна, Лиордан и три её лучших подруги, словно из ниоткуда возникая перед нею и раскрывая ей объятия.

Она привыкла, что её так любят и к ней так внимательны,

но лишнее подтверждение этому не надоедало никогда. Хлопая восхищёнными глазами, она сновала взглядом по сторонам и повсюду натыкалась на цветы. Зная, как она любит лютины, мать специально для неё не жалела денег на покупку семян и времени – на уход за ними, когда Амисалла была в пансионе и не могла помочь. Сладковатый, пряный аромат заполонил её ноздри, проникая в мозг, обволакивая сердце мягкой радостью, которая была едва ли не мягче, чем сжимавшие её объятия дорогих людей.

– Как же выросла, Амисалла! – восклицала мать, прижимая её голову к груди и поглаживая по волосам.

– Сегодня это – твой день, – прибавлял отец, терпеливо дожидавшийся своей очереди взъерошить ей волосы и полюбоваться ею со всех сторон, – день твоего совершеннолетия.

– Да, – с мягкой улыбкой согласилась Амисалла и с наслаждением вдохнула знакомый с глубокого детства аромат материнских духов.

– Амисалла, гляди, что я тебе принесла! – с гордостью выкрикнула её подруга Эвра, протягивая длинные серёжки, сплетённые ажурной нитью и переливавшиеся под светом солнца, словно облитые росой. – Собственноручная работа!

– Какая красота! – восхитилась Амисалла, хотя она никогда не носила серёжек и в жизни не прокалывала ушей, и Эвра это знала (но не оставляла надежды, что она когда-нибудь воспримет намёки всерьёз).

– А вот моё! – вмешалась другая подруга, Энняя, и проде-

монстрировала аккуратный ежедневник, обтянутый кожей, с выглядывающей между страниц фиолетовой резной закладкой. – Справочник студентки медицинского факультета, тебе наверняка пригодится!

– Да, спасибо... – отвечала Амисалла, пытаясь растолкать подарки по карманам, не ударив случайно никого из обнищавших её. – Очень... хорошая вещь...

– Держи, держи ещё! – Биллестия, тоже выбравшая себе необычную работу в химической лаборатории, настойчиво предлагала плотно запечатанный, чудовищных размеров светло-жёлтый пакет с аккуратно выведенной надписью: «Самой лучшей подруге».

– Что это?

Линна и Лиордан, стоически выжидавшие своей очереди подойти с поздравлениями и подарками, заинтересованно потянулись к пакету, но Биллестия ловко выдернула тот у них из-под любопытных носов и подняла выше, так, чтобы видеть его могли лишь старшие.

– Там всё для конной экипировки и... – Биллестия заговорщицки блеснула глазами, – новейшее ружьё.

– Ружьё?! – недовольно взглянули на неё родители Амисаллы.

– Биллестия, надо же было до такого додуматься! – в сердцах воскликнула мать. – Откуда ты это вообще взяла?

– Госпожа Виллиэн, да тут и искать не надо было, – Биллестия с невинным видом развела руками, – из Империи их

завозят тоннами.

– Интересно было бы узнать, кто, – ядовито проговорила госпожа Виллиэн.

Биллестия с готовностью изобразила свою самую очаровательную улыбку:

– Вот увидите, стреляет отменно! А Амисалла не промахнётся, она меткая, вы же знаете!

Родители обменялись долгими говорящими взглядами, которые объяснили им многое, остальным – ничего. Наконец, госпожа Виллиэн глубоко вздохнула и, улыбнувшись, взмахом руки вернула Биллестии своё расположение (лицо Биллестии сразу просияло).

– Идёмте завтракать, – предложила она, – и лучше на террасу. Сегодня замечательная погода.

* * *

Завтрак растянулся на несколько часов. Амисалла, Биллестия, Энная и Эвра болтали захлёб так, словно не виделись уже несколько лет; Лиордан и Линна играли в догонялки вокруг дома. А господу Виллиэн, позабыв о своём недоверии к таинственным имперским поставщикам оружия, с разрешения Амисаллы испытывали её ружьё на заднем дворе, где детей не было. Судя по резким хлопкам и одобрительным возгласам, изредка долетавшим до их слуха, испытание проходило успешно, и ружьё не дало осечки ни разу.

Когда солнце прочно установилось в зените, родители вернулись из-за дома, и госпожа Виллиэн заметила, что

неплохо было бы перекусить. Так завтрак плавно перетёк в обед, отец сходил в дом за газетой и, вернувшись, устроился напротив Амисаллы. Она не сводила с него взгляда: судя по его сосредоточенно сдвинутым бровям и пристальному взгляду, каким он смотрел на неё, он хотел что-то ей сказать, но не мог, пока рядом были её подруги. И те, даже самозабвенно болтавшая Эвра, довольно скоро это поняли и стали прощаться.

– Мы зайдём ещё через пару часиков, хорошо? – уже стоя у ворот дома, кричала Энная. – Только управимся с делами и пойдём гулять к реке, вы не против?

– Нет, конечно же, нет, – доброжелательно улыбнулся им господин Виллиэн, – мы будем ждать вас!

Весело гомонящая компания, обернувшись чёрными точками, вскоре показалась на гребне холма, возвышавшегося напротив особняка родителей Амисаллы, а затем и пропала из виду вовсе. Она перевела ожидающий взгляд на отца и мать – те сразу сделались намного серьёзнее; такими они никогда ещё не выглядели в её дни рождения.

– Что такое?

Госпожа Виллиэн подалась вперёд, сложила пальцы «домиком» и широко улыбнулась, как недавно ей улыбалась Биллестия.

– Всё великолепно. Нам всего лишь хотелось поговорить с тобой о твоём будущем...

Амисалла инстинктивно отползла дальше по скамейке,

с испугом и настороженностью изучая лица родителей. Только по поводу одного вопроса они могли бы нацепить на себя такую торжественность: по поводу её замужества. Но за кем? И когда? Почему? Амисалла была переполнена вопросами, но задать их не решалась и покорно ждала.

– Ты молодец, что собираешься стать исключением и поступить на медицинский факультет, – сказал отец, – но университет, который ты выбрала, мне не нравится.

– Нам не нравится, – тихо уточнила мать, и он поспешно оправился:

– Не нравится нам.

– Но что в нём плохого?! – со злостью воскликнула Амисалла. – Это лучший медицинский университет для девушек во всём мире! Почему я не могу в него поступить?

– Наверное, потому, что он находится в другой стране, причём в достаточно далёкой стране, – тихо сказала госпожа Виллиэн, и глубокая морщина прорезала её нахмуренный лоб.

Амисалла склонила голову набок и строптиво фыркнула:

– Ах, ну конечно; вы считаете, что я недостаточно самостоятельна и не смогу обеспечить себя в Империи.

– Это чужое государство, ты никого там не знаешь; если тебе придётся плохо, тебе никто не поможет! – сурово отпечатал господин Виллиэн. – К тому же, там совсем другой язык и другие обычаи!

– Но ведь вы раньше жили в Империи! – воскликнула она,

вскинув голову. – Разве не вы научили меня разговорному языку? И ведь вы как-то справлялись там сами, хотя тоже были одни?

– У меня были друзья, и я была в родном городе, – обрвала её госпожа Виллиэн, – а твой отец служил в армии, там ему давали всё, что ему было нужно.

– Я тоже могу себя обеспечить! Я могу давать уроки хевилонского, танцев, математики, музыки, магии, астрономии, физики, химии; да всего, чему меня учили в пансионе! – возмутилась Амисалла. – Я не пропаду, правда! У меня есть куча золотых украшений, на первое время я могу заложить их, если работы не будет, но ведь я могу быть не только учительницей, я могу заниматься рукоделием, помогать в госпиталях, в монастырях, на рынках...

– Моя дочь – и пойдёт торговать на рынок?! – громыхнул отец, и Амисалла испуганно вжала голову в плечи. – Нет, я такого не допущу!

– Хорошо, не на рынок, есть другие профессии...

– Амисалла, это решено: ты никуда не поедешь.

– Но почему?! Назови хоть одну справедливую причину!!

– Я могу назвать с десятков сотен причин, по которым тебе нельзя туда ехать, – отрезал господин Виллиэн, складывая руки на груди. – Во-первых, тебе негде жить...

– Я могу снять комнату в Студенческом квартале, оттуда до университета всего полчаса пешком...

– Во-вторых, это чужая страна...

– Никакая она мне не чужая! По происхождению я такая же авалорийка, как и вы!

– В-третьих, в Столице полным-полно соблазнов, а для молодой одинокой девушки...

– Пап, я не дура, я смогу разобраться в том, что хорошо и что плохо!

– Дело даже не в этом, – спокойно вмешалась госпожа Виллиэн, – а в том, что многие соблазны сами бросаются на тебя, несмотря на твоё нежелание им поддаваться.

Вспыхнув, Амисалла резко наклонила голову и сцепила побелевшие пальцы. Она не поднимала взгляда, пока звучал неумолимый голос отца, мрачно контрастировавший с теплотой Сэйрского дня, радостными криками Лиордана и Линны вдали и с беззаботным пением птиц под светло-голубым куполом неба.

– В-четвёртых, пока ты будешь там, я не смогу быть уверенным, что ты в безопасности, ведь ты будешь очень далеко от меня... А тебе точно придётся нелегко: в Империи презирают женщин-медиков. И, наконец, ты не поедешь туда потому, что я не знаю никого, кому тебя можно было бы доверить.

– Я самостоятельна, – уныло повторила Амисалла и, расцепив руки, стала горько глядеть в белые доски пола беседки, казавшиеся хрустальными в свете солнца. – Папа, я не подведу тебя. Почему ты мне не веришь?!

– В Хевилоне тоже есть медицинский университет. Поче-

му ты не поступишь туда?

– Потому что там... потому что... потому что... – потерявшись, она забродила рассеянным взглядом вокруг. Та причина, что тянула её в Империю, вовсе не была связана с университетом, но она боялась сказать это родителям, которые, похоже, ничуть не тосковали по своей родине. Едва вытянув из ёжащейся памяти нужный предлог, она даже радостно вздохнула, вскинула голову и воскликнула: – Потому что это лучший университет в мире, как вы не понимаете?!

– Не всё золото, что блестит, – глубокомысленно изрекла госпожа Виллиэн и, откинувшись на спинку стула, поднесла к губам чашку с чаем.

– Ну... да... – осторожно наклонив голову, подтвердила Амисалла. – Но ведь именно имперских врачей приглашают даже к нам, в Хевилон, так не значит ли...

– Амисалла, ты никуда не поедешь.

Наклонив голову ещё ниже, она тяжело дышала в попытке сдержаться и не сделать того, о чём потом очень горько пожалеет. Родители, конечно, видели, как она борется с собой, скрипит зубами и сверкает глазами, но они предпочитали делать вид, будто бы ничего особенного не происходит.

«Они лишили меня мечты всей моей жизни!» – озлобленно подумала Амисалла и пнула ножку стола, но так, чтобы не обратить на это особенного внимания отца и матери. Сосредоточенно изучая вздувшиеся вены на своих сжатых кулаках, она старалась как можно плотнее сжимать веки, мор-

гая: чтобы её воображению не представлялись насмешливо улыбающиеся соперницы по пансиону.

«Ах, бедная Амисалла, нам так жаль, что ты не смогла поступить в университет в Империи... Но пойми, дорогуша, там такие высокие требования к студентам... конечно, твои родители не хотели, чтобы ты разочаровалась и поняла, что ты не самая умная...»

«Ненавижу, – мысленно цедила про себя Амисалла, ещё не определившись вполне, кого и за что она ненавидит, – ненавижу, ненавижу, не смогу вытерпеть! Ну почему же так?!»

– Амисалла? – окликнула её мать и она, вдруг почувствовав позыв воскрешающейся надежды, с готовностью вскинула голову.

– Да?

– Думаю, ты на нас не обижаешься.

Что-то светлое и сильное уныло потускнело и погасло в её душе. Скупно кивнув, она опустила взгляд к своим коленям и пробормотала:

– Конечно, нет.

– Вода! Ты вода! – вдруг прорвав воздух звонким криком, объявившаяся позади Линна набросилась на Амисаллу сзади и повисла у неё на шее.

– Пошли играть! – Лиордан нетерпеливо приплясывал за спинкой её кресла. – Что ты сидишь сиднем с таким мрачным видом; давай лучше проветримся и повеселимся!

– Не хочу я веселиться... – пробормотала Амисалла и стряхнула со своей шеи руки сестры.

Лица Линны и Лиордана вытянулись, и она почувствовала прилив бешеной злобы, усмотрев в горечи, наводнившей их глаза, свою очередную ошибку. Ей вовсе не хотелось бросаться в глупые игры, когда хотелось свернуться калачиком под одеялом и выплакать весь свой гнев и разочарование, но эта недоумённая боль в глазах дорогих ей людей, не повинных ни в чём, перевешивали собственные чувства. Она с усилием натянула на лицо улыбку и подала руку Линне, подозрительно хлюпавшей веснушчатый носом:

– А впрочем... почему бы и нет?

– Да, да, да! – разразившись бодрыми кличами, брат и сестра вновь запрыгали вокруг неё.

И было что-то такое светлое и нежное в их лицах и наивных, добрых взглядах, устремлённых на неё, что всякая обида на отца и на мать отошла и забылась. А ведь именно для того, чтобы не допустить ссоры, Лиордан и Линна так вовремя подкрались сюда.

* * *

Вечером, когда Амисалла ушла гулять с подругами, господин и госпожа Виллиэн вновь собрались в изящной, воздушной, как будто желающей оторваться от земли и своими узорчатыми ажурными переплётами войти в небо, беседе. На красочно пестрящем зеленью дворе сонно стрекотали сверчки, да где-то вдаль уже начинало раздаваться

далёкое уханье совы, почти полностью заглушаемое радостным смехом гуляющей молодёжи. Жара спала, и воздух стал походить на уютное тёплое одеяло, мягко обволакивающее и ненавязчиво подталкивающее в сон. Уже почти смерклось, но ночь была звёздная: на очищенном от туч тёмном небе они сияли непривычно ярко для Хевилона. Однако этого света не хватало, чтобы рассеять мглу, поэтому супруги вынесли в беседку лампаду и, установив её на столе между собою, склонились над пачкой старинных писем. Госпожа Виллиэн вполголоса заметила:

– Биркан вполне свободен, Носиу, не начинай, – понизившись, её тон сделался осуждающим.

– Но ведь это...

– Я тоже тревожусь. И боюсь её отпускать, – улыбнувшись, госпожа Виллиэн легко сжала ладонь мужа. – А ты...

– Почему ты вдруг стала сомневаться? – наклонив голову, господин Виллиэн вдруг внимательно всмотрелся в её лицо. – Ты тоже боишься?

– Я зря поддерживала её, – вздохнув, она уронила обе руки на стол, и по её спине пробежала короткая дрожь. – Мне сразу начинают мерещиться ужасные вещи, как только я представляю, что она там одна, а вокруг неё – целый мир, и неясно, у кого какие намерения...

– Успокойся, Марта, – взяв её уже за обе руки, господин Виллиэн заглянул ей в глаза с твёрдой уверенностью. – Ами-салла права. Она не дурочка и не пропадёт, особенно если

Биркан будет присматривать за ней.

– Значит, сказать? – госпожа Виллиэн недоверчиво взглянула на мужа, словно его согласие было для неё большим сюрпризом.

– Конечно. Ведь она так долго об этом мечтала.

– Осталось предупредить Биркана, – госпожа Виллиэн высвободила ладонь и сжала между пальцев один плотный, пожелтевший от времени лист, исписанный крупными отчётливыми буквами её друга.

– Если послать письмо сегодня скорейшим рейсом, через полторы недели оно должно дойти до адресата, – задумчиво проговорил господин Виллиэн. – Значит, Амисаллу мы отправим через двенадцать дней.

– А до тех пор?

– А до тех пор пусть лучше ничего не знает. Ещё не известно, как Биркан всё это воспримет.

* * *

Полторы недели, последовавшие за родительским отказом, потянулись для Амисаллы уныло и однообразно, ничем особенным не запомнившись. Углубившись в свою тоску, она ограничилась обществом книг, с мрачным упорством повторяя и заучивая, систематизируя свои знания и мучая себя пониманием того, что она никогда не станет студенткой знаменитой имперской Медицинской академии. Глядя на подруг, брата и сестру, она начинала чувствовать приглушённые уколы зависти, ведь у них-то есть то, что им нужно.

И её боль была тут непонятной.

– Знаете, – однажды сказала Амисалла, – мне очень обидно.

– Почему? – живо заинтересовалась Энная.

– Родители запретили мне уезжать в Империю. А ведь там самая лучшая медицинская кафедра во всём мире! – воскликнула она и в сердцах даже стукнула кулаком по ковру, на котором подруги, скрестив ноги, сидели.

Биллестия осторожно потрепала её по плечу и, сделав вращательное движение глазами, промолвила:

– Но ведь им виднее? По-моему, они даже правильно поступили; так мы сможем видеться, всё-таки в одной стране живём; редко, но смо...

– Биллестия! – цыкнули на неё Энная и Эвра.

Биллестия поспешно прикусила язык, и, покрываясь красными пятнами от стыда, пробормотала:

– Ой, Амисалла... извини, пожалуйста... лягнула, не подумав...

– Ничего, – Амисалла постаралась улыбнуться как можно шире, чтобы подруги не увидели слёз в её глазах. – Это твоё мнение.

Трое суток спустя её дня рождения пришло официальное письмо из пансиона. Амисалле вручался аттестат о получении образования с приложенным табелем оценок и тёплыми напутственными пожеланиями от преподавательниц, учивших их большой класс в течение восьми лет. Она набрала

высшие баллы по всем экзаменам и могла избрать себе любое поприще, доступное для женщин. Энная, Эвра и Биллестия тянули её каждая в свой университет, но Амисалла отнекивалась. По-прежнему её манила медицинская кафедра, и она могла мечтать лишь о том дне, когда станет её полноправной студенткой.

«Не хотят отпускать, – думала она, зловеще посмеиваясь и потирая руки, – убегу! Возьму деньги, зашью в пояс. Скажу, что пойду на горы, это далеко, меня не будет долго. А сама сверну с главного тракта, в доки! Там легко купить место в камбузе. А если не захотят? Ведь это имперские моряки, они не любят женщин...

Придётся переодеться в мужчину. Когда папа поедет на прогулку, возьму у него из шкафа дорожный костюм. Надо будет подгонять, опять нужны нитки и игла... но где же их спрятать, чтобы не бросались в глаза? Вдруг будут вопросы? Нет, какие тут могут быть вопросы, что подозрительного в том, что у меня порвались чулки? Конечно, ничего страшного, только костюм надо будет припрятать... куда?

Возьму свой старый плащ! Заверну одежду, и не видно. Когда буду выходить из дома, засуну её под платье, в конюшню достану и спрячу в седельные сумки, кто заметит? Но тогда придётся скакать в пещеры, не на дороге же мне переодеваться? Поскачем галопом, а потом сразу в доки... Нет, всё равно не хватает времени! Ведь надо ещё уговорить капитана, чёрт, чёрт! Надо думать, и быстрее, в Медицинскую

академию принимают только до первого Сатарра...»

В один из спокойных летних вечеров, когда она, отставив свои книги, раздумывала над планом побега, а на заднем дворе весело вопили Лиордан и Линна, чуть скрипнула сзади дверь в её комнату. Амисалла с удивлением взглянула на родителей, чьи фигуры казались совершенно неуместными в её тихом скромном уголке, словно защитившемся от окружающего мира непробиваемым заслоном. По лицу отца пробежала какая-то тень, словно... отзвук стыда? Амисалла прищурилась, хотя зрение у неё было отличным. Она не ошибалась, господин Виллиэн выглядел виноватым! И это нарушило равновесие её чувств, едва начавших успокаиваться после обидного поражения. Опёршись ладонью о стол, она звенящим голосом спросила:

– Что такое?

«Неужели они знают, что я хочу сбежать из дома? Но как? Откуда? Кто им об этом сказал? Ведь только я это знаю!»

– Амисалла, – произнесла её имя тем самым особенным торжественным голосом, он встретился взглядами с матерью и осёкся. – Слушай... я погорячился тогда. Я был неправ.

– Что?!

Теперь она уже опёрлась о стол обеими руками и расширившимися от неверия глазами посмотрела на обоих родителей. Сердце в её груди начало отбивать барабанную дробь, а перед глазами в какое-то мгновение даже проплыли чёрные размытые круги. Она плохо понимала, что происходит,

у неё дрожали губы, и, казалось, она вот-вот расплачется от счастья и облегчения. Значит, не придётся ей готовить план побега и переодеваться в мужскую одежду в тёмных пещерах... не придётся разбивать родительские сердца, тайком уплывая в Империю! Амисалла почувствовала себя настолько приподнятой над землёй, что она обязательно свалилась бы на пол, если бы она уже не сидела на стуле, опиравшемся спинкой о надёжный деревянный стол.

– Ты отпускаешь меня в Империю? Честно? – она даже приподнялась, но её ноги отозвались дрожью, и она поспешно рухнула обратно на стул. – Но... как... папа... я не понимаю, что... почему?!

Господин Виллиэн слегка улыбнулся:

– Я же не тиран. Я не стану тебя неволить. Ты уже взрослая и можешь сама распорядиться своей жизнью.

– Прости нас, Амисалла, – прибавила госпожа Виллиэн. – Видишь, мы тоже ошибались, и очень сильно... Пожалуйста, не держи зла. Мы запрещаем тебе что-то не из вредности, а потому, что очень любим и боимся... потерять, – промолвив последнее слово сиплым шёпотом, она опустила голову и украдкой смахнула слезинку.

– Мам... – прошептала Амисалла и снова предприняла безуспешную попытку подняться, – мам, ну что ты?

В два шага приблизившись к ней, родители синхронно склонились и крепко обняли её, словно собираясь задушить своей любовью и раскаянием. Разум вновь стремительно вы-

плыл за пределы её тела, и она утратила контроль над своим языком. Судорожно сжимая руки родителей, она шептала:

– Я тоже такая дура... почему же...

Долго длилось это очаровательное мгновение, но ей хотелось, чтобы оно продолжалось и продолжалось, и потому оно показалось ей пролетевшим стремительно. Схлынувший тёплый порыв разомкнул их руки, и родители вновь оказались на несколько шагов дальше от неё, но всё же не так далеко, как вначале. Она не узнавала их лиц: они словно помолодели на десяток лет, и в их движениях вдруг проснулась юношеская энергичность. Улыбаясь ей совсем молодой солнечной улыбкой, госпожа Виллиэн промолвила:

– Конечно, одну мы тебя не пустим. Но Биркан согласился присмотреть за тобой. Ведь ты его помнишь?

– Конечно, – улыбнулась Амисалла.

Биркан был лучшим другом её родителей, но в последние восемь лет он безвыездно жил в Империи, и она могла общаться с ним только посредством писем, которые далеко не всегда доставлялись по адресу и в срок.

– Недавно он переехал в Столицу, – сказала мать, – и он согласен присмотреть за тобой!

Амисалла недоверчиво и радостно распахнула глаза. Её сердце, мигом запыхавшее и ускоренно забившееся, застряло в горле.

– Правда?..

Госпожа Виллиэн слегка наклонила голову и умиротво-

ренно прикрыла глаза. Не помнящая себя от радости, Ами-салла с визгом выскочила из-за стола и бросилась обнимать и целовать обоих родителей. Она не понимала, что именно кричала, откуда взялись здесь Линна и Лиордан и как она смогла закружить их в своих объятиях, все её ощущения и мысли опять смела радость. Хохоча как безумная, она падала на кровать, вскакивала, поднимала голову и падала опять, не замечала боли от столкновения с окружавшими её предметами. Ей всё вокруг казалось мягче, теплее и нежнее, чем оно было. Родители с мирной улыбкой наблюдали за нею, пока она, окончательно овладевшая собою, не подошла к ним, с неожиданно нахлынувшей неловкостью одёргивая платье, и не спросила тихим, но полным счастья голосом:

– Когда я выезжаю?

– Послезавтра на рассвете.

Глава III. Амисалла

Покачиваясь после четырёхдневного морского путешествия, Амисалла стояла на шумной столичной пристани и зорко озиралась по сторонам. Вокруг неё сновали, безмолчно шумя, самые различные люди, но в их месиве она не находила нужного ей – Биркана. Может быть, он вообще забыл о том, что должен её встретить!

Сколько она здесь находилась, она не знала: она давно потеряла счёт времени. Устав держаться на ногах, она отступила в тень, отбрасываемую долговязым и согбенным, словно старушка, фонарём и присела на свои чемоданы. Отсюда ей было гораздо удобнее наблюдать за имперцами, не привлекая к себе особенного внимания.

Ещё дня не прошло, как она попала в эту страну, а ей здесь уже многое было дико и непонятно. Она не понимала, почему богатые люди безнаказанно хлещут кнутом своих носильщиков под носом у полицейских, почему некоторые прохожие с зелёными искрами в глазах отворачиваются от общих плевков и насмешек, почему обтрёпанные нищие сидят на пристани и протягивают изуродованные руки, сжимающие кружки, где нет ни единой монеты, а на них даже не взглядывают. В Хевилоне всё было совсем иначе

К тому же, Амисалла не слишком хорошо знала имперский язык. Обучаясь ему в пансионе, она слыла первой уче-

ницей, но, очутившись здесь, она поняла, что её знания не стоят ничего. Она сумела бы написать записку, письмо, просьбу, но чётко разбирать слова говоривших вокруг у неё не получалось. А ведь это так страшно – не знать, о чём толкует толпа. Сжавшись в комок, Амисалла сидела на своих чемоданах и с угасающей надеждой следила за беспорядочной суетой на пристани, настолько непохожей на размеренное и упорядоченное движение в родном Хевилоне. Она в очередной раз ощутила приступ горькой тоски, и последние воспоминания о доме нахлынули на неё, будто ледяная волна в грозный шторм.

– Господа, дамы, последние билеты на очаровательный круиз, от северных морей до южных пустынь! – кричали звавшие у трапов, спущенных с парусников подозрительного вида.

– Подайте на пропитание, у меня девятеро детей и голодный муж дома!

– Господа, дамы, купите...

– Взгляните...

– Послушайте...

Абсолютное большинство всех прочих слов смешивалось для Амисаллы в еле различимое невнятное шамканье, шипение и свист. Её родители оба были имперцами по происхождению, но она не любила разговаривать с ними на их языке: для неё он казался диким, грубым и неотёсанным в сравнении с изяществом и лёгкостью кратких форм хевилонских

слов, плывущих в речи, словно облачко пара по воздуху. Вздохнув, она подпёрла голову руками и заткнула уши пальцами, чтобы абстрагироваться от шума. Но тот лишь стал немного глуше, и это раздражало больше. Покусывая губы и чувствуя, как беспокойство просыпается в душе, Амисалла вспоминала сумбурное прощание с подругами. Они узнали, что Амисалла едет в Империю, причём на семь долгих лет, только за несколько часов до заката, когда они, освободившись от своих дел, пришли позвать её на прогулку. Услышав её гордо произнесённые слова, они растерялись, а Энная и вовсе заплакала. Повиснув у Амисаллы на плече, Энная надрывно закричала:

– Ну куда же ты? Зачем? Столько медицинских университетов в Хевилоне, а ты выбираешь...

– Тихо ты, – цыкнула на неё Эвра, и Энная перестала причитать, но заплакала ещё горше. Сурово взглянув на Амисаллу, она поинтересовалась: – Ты хоть писать нам будешь?

– Куда без этого... – тихо улыбнулась она.

– А на лето приедешь? – влезла Биллестия. – В химическом университете летом тоже идут кое-какие занятия, особенно не разгуляешься, но ведь...

– У меня будет практика, Биллестия, я не смогу уехать, – терпеливо разъяснила Амисалла и глубоко вздохнула, усилием делая улыбку шире. – Но я же обязательно вернусь, и я буду слать письма по четыре раза в день! Ну, чего вы?..

Девушки, собравшись в плотный кружок с нею в центре,

уныло смотрели на неё влажными глазами; все, даже Биллестия, которая ненавидела плакать. Амисалла осторожно повторила:

– Эй? Что это вы?

– Семь лет, – с болью в голосе проронила Эвра и уронила голову на грудь, – ты хоть понимаешь, сколько это времени?

– Много, – устало вздохнув, согласилась Амисалла, – но ведь я же вас не забуду, я всегда буду писать, честно!

– Письма – это одно, а живой человек рядом – совсем другое, – сентенциозно выдохнула Биллестия и склонила голову к плечу по-прежнему беззвучно рыдавшей Энной. – Сама ж знаешь.

Амисалла знала. Но на её решение это не могло повлиять. И ей казалось, ей навсегда запомнились слова, которые Эвра сказала ей, когда настала пора возвращаться домой и начинать укладывать вещи.

– Мы будем ждать тебя, Амисалла.

– Я тоже, – искренне ответила она, делая усилие над собой, чтобы не расплакаться.

С семьёй она начала прощаться ещё за день до своего отъезда. Она помнила, как липла к ней безостановочно плакавшая и бормотавшая какую-то ерунду Линна, и как несмело обходил её по кругу Лиордан, чьи глаза подозрительно покраснели и увлажнились. Семь лет... Через семь лет они, вполне возможно, обзаведутся своими семьями, ведь Линне будет столько же, сколько Амисалле сейчас, а Лиордану – де-

вятнадцать. Зажмурившись, она попыталась представить себе брата и сестру взрослыми, но это не получилось; ей вспоминались наивные дети, которыми она их надолго оставила в Хевилоне. Конечно, она стала бы писать домой каждый день, но, как справедливо заметила Биллестия, ни одно, даже самое тёплое, письмо не заменило бы ей чистой и светлой радости быть рядом с самыми дорогими и близкими ей людьми. Амисалла опустила голову ниже и мысленно спросила себя: правильный ли выбор она сделала? Может, родители и друзья были правы, и она не должна была никуда ехать? Сейчас она уже ни в чём не была уверена...

В ожидании она просидела ещё около десяти минут, прежде чем из месива незнакомой толпы вынырнул смутно знакомый ей высокий крепкий человек, издав далеко напоминавший серый футляр. Человек приставил ладонь козырьком ко лбу и стал оглядываться. Его взор и взор заинтересованной Амисаллы встретились, и она сразу поняла, кто на неё смотрит. Конечно, это был Биркан, старинный друг её матери.

Махнув ей рукой, Биркан скорыми шагами тронулся с места. Рядом с ним совершенно неожиданным образом возникла потрёпанная худенькая женщина, которая заспешила к Амисалле едва ли не быстрее своего спутника. Когда двое подошли на близкое расстояние, она заметила, что всё это время они приветливо ей улыбались. Эти улыбки растопили первую неловкость, и она взглянула на Биркана и идущую

с ним женщину гораздо теплее.

– Здравствуй, Амисалла! – воскликнул Биркан, загораживая собой солнце, противно бившее ей в глаза. – Как давно не виделись!

– Привет, Биркан! – весело откликнулась Амисалла и встала со своего багажа, показавшегося ей куда меньше и жалче, когда Биркан подошёл.

– Тянемся за знаниями? – усмехнулся Биркан. – Марта всё объяснила в письме... Что ж, добро пожаловать в Империю! Надеюсь, мы с тобой уживёмся. Кстати, Амисалла, позволь представить: Берта Суон, – он указал на свою спутницу, – можно просто Берта.

– Приятно познакомиться, – вежливо сказала Амисалла и протянула Берте руку.

Но Берта отреагировала очень странно: втянув голову в плечи, она оскалила вдруг увеличившиеся в размерах клыки и отступила, а в глазах у неё взметнулись изумрудные искры – клеймо оборотня. Шокированная Амисалла торопливо опустила руку и тоже попятилась от Берты под надёжную защиту Биркана.

– Берта! Что это с тобой такое? – в голосе Биркана прозвучал гнев.

Берта виновато глянула на него и прекратила скалиться, но шеи не вытянула и ближе тоже не подошла. Биркан успокаивающе похлопал дрожащую Амисаллу по плечу:

– Не обращай внимания, скоро полнолуние. Да и у нас

не принято пожимать руки, особенно... таким, как мы.

– Таким, как вы? – переспросила Амисалла.

Подхватив её багаж, Биркан уверенно зашагал к выходу с пристани, отгораживаясь широкой ладонью от озорных солнечных лучей. Амисалла вприпрыжку бежала справа от него, Берта – слева и на значительном расстоянии, как будто стесняясь приблизиться.

– Ну, мы же отверженные, – небрежным тоном пояснил Биркан, однако она даже с высоты своего крошечного рядом с ним роста заметила, как раздражённо дёрнулась его щека, – я – внук гибрида, Берта – урождённая оборотень. Таких, как мы, в Империи не жалуют.

– Правда?

– Чистейшая, – Биркан тяжело вздохнул и перекинул её чемодан из одной руки в другую. – Странно, – усмехнулся он, – зная твоих родителей, я думал, что они заставят тебя взять минимум тележку с вещами.

– Биркан, – почему-то начиная смеяться, возразила Амисалла, – я же уже не ребёнок!

Биркан хитро глянул на неё, и она замолчала. Пристань кончилась, и они стремительно зашагали по широким светлым улицам, запруженным народом. То и дело с обоих боков их объезжали кареты и повозки, обскакивали всадники, толкали и пихали пешеходы, и, пробираясь между ними, Амисалла удивлялась, почему их ещё не сбили и не затоптали. В Хевилоне ей не доводилось видеть подобной толчеи да-

же на ярмарках, но в Империи это, по-видимому, было нормой. Она подняла голову, уцепилась за локоть Биркана и стала наблюдать за небом – единственным местом в Столице, которое ничего не забивало. В солнечных лучах металлически поблескивали двери магазинов, лавок, читален и домов богатых горожан, в низко расположенных окнах отражались проходящие мимо люди. А далеко-далеко на западе, там, где дымчато-белые облака словно разрывались пополам, виднелись высоко подъятые шпили замысловатой формы, расположенные в форме круга. Заинтересовавшись, Амисалла подёргала Биркана за рукав:

– Биркан, прости за беспокойство, но что это за здания вон там?

Биркан всмотрелся в разрывы облаков, и его лицо приняло мрачно-упорное выражение.

– Это дворцовый ансамбль и особняки знати, – сказал он, почти не разжимая губ и сузив глаза, – туда нам ходу нет.

– Как, совсем нет?

– Совсем. – Глаза Биркана помрачнели ещё больше.

– Странно... – Амисалла прикусила ноготь и выпалила: – В Хевилоне совсем не так! Там всех допускают смотреть, как живёт Царь. Если он не слишком занят, он может выйти на крыльцо и помахать, потому что во дворец пройти разрешается только с очень важной просьбой.

– У нас всё по-другому, – тяжело вздохнув, сказал Биркан, – тебе будет трудно к этому привыкнуть. На всякий слу-

чай запомни: не ходи ни с кем из королевских прихвостней, даже если они вздумают звать тебя на свадьбу с наследником.

– На свадьбу с этим помешанным Ральмундом? – фыркнула Амисалла и ещё веселее запрыгала по ровной белоснежной мостовой. – Нет уж, спасибо!

– Амисалла! – Биркан сурово глянул на неё. – Я не шучу! Она разочарованно вздохнула и, покорно уцепляясь обеими руками за его локоть вновь, проронила:

– Да, конечно, Биркан, я всё поняла.

По мере того, как улицы, по которым они проходили, сужались, возрастало и число прохожих, а следовательно, всеобщая сутолока приобретала чудовищные масштабы. Люди здесь были одеты не так богато, как гуляки на светлых и широких проспектах, зелёных насаждений было крайне мало, и в большинстве своём они были чахлыми, тощими и помятыми. Под теми из скрюченных полуголых деревьев, какие отбрасывали более-менее приличную тень, спали кошки, собаки и обтрёпанные бездомные, распространяющие отвратительный запах. Амисалла брезгливо сморщилась, сделала глубокий вдох и поперхнулась: воздух там, где её вели Биркан и Берта, словно был чем-то отравлен.

– Дыши через платок, – посоветовал ей Биркан, – здесь много магических испарений.

– Поэтому деревья такие чахлые? – поинтересовалась Амисалла сквозь тонкую ткань, прижатую ко рту и носу.

Биркан слегка наклонил голову:

– Совершенно верно. Деревьев не хватает, чтобы очищать воздух от магических паров.

– Но почему вы с Бертой не дышите через платки?

– Невосприимчивость к магии, – небрежно пояснил Биркан и потянул её в узкий проулок, тёмный и совершенно свободный от людей, что было довольно необычно для Империи, какой Амисалла успела её увидеть. – Да и ты, если поживёшь тут с месяц, перестанешь замечать эти пары.

– Разве они не вредны для здоровья? – удивилась она, перешагивая через брошенную кем-то разноцветную листовку.

Буквы на листовке почти стёрлись от дождей, уличной грязи и разъедающих магических испарений, но Амисалла всё-таки успела разобрать несколько слов на имперском языке: «Официальная помолвка Её Высочества Сесиль и Его Сиятельства Оруэна назначена...»

– Конечно, вредны, – фыркнул Биркан, – и даже для нас, если их достаточно много. Но, поверь, тут их почти что и нет, так что твоё здоровье не пострадает. В крайнем случае, если почувствуешь, что ослабла, скажи мне или Берте, мы принесём тебе лепестки лютены, ты их заваришь и будешь пить с ними чай – он хорошо помогает.

– Спасибо, – смущённо усмехнулась Амисалла, – нам в пансионе такого не рассказывали... Я и не думала, что магия может вредить.

– Неужели ты и о магейзии не слышала?

– Нет... Её вызывают эти пары, так?

– Да, – лицо Биркана посуровело, – страшная болезнь. Берта как-то перенесла магейзию – едва выкарабкалась.

Берта, бежавшая на значительном расстоянии от них, вытянула шею и согласно заскулила. Длинная, извилистая, мрачная улица, по которой они шагали между унылых и не глядящих друг на друга людей, завернула за монументальный, но обветшавший особняк и разделилась на два пути. Один, то появляясь, то исчезая между мусорных баков, вёл куда-то в тесноту, мрак и, как Амисалла предположила, в непроглядную нищету. На уроках истории и нравственности в пансионе им немало рассказывали об Империи и о том, в каких ужасающих условиях там прозябает большинство населения, но она никогда не верила: отец говорил иначе. Оказалось, что ей не стоило прислушиваться и к его словам: запустение и разорение, едва очерчивавшиеся в темноте проулка, были куда глубже, чем осмеливался говорить господин Виллиэн...

Биркан твёрдо взял её за плечо, и она неохотно повернула голову. Склонившись к ней, он успокаивающе улыбнулся:

– Не волнуйся, нам не туда. Купеческий квартал вон там, – и он махнул рукой в сторону второй улочки.

Машинально оправляя сбившуюся шляпку, Амисалла пристально всмотрелась вдаль. И ей открылся совершенно иной мир: высокие, стройно возведённые многоэтажные дома тянулись вдоль обеих сторон улицы, и в их чисто вымытых застеклённых окошках прихотливо переплетались, отра-

жаясь от блестящего стекла, солнечные лучи. Улица не была подметена так чисто, как на проспектах, но и не так запущена, как позади; деревьев было больше, и они уверенно зеленели, чередуясь друг с другом в строгом порядке. Пусть они были не совсем здоровы, и в воздухе ощущался металлический привкус магических паров, Амисалле это место уже понравилось. Особенно её подкупили атласные ленточки, завязанные в воздушные бантики вокруг каждого из уличных фонарей – как ни странно, но ни один из них не был разбит; а Амисалла, путешествуя по Столице следом за Бирканом, привыкла видеть треснувшие стёкла и исцарапанные столбы, на которых частенько оказывались непонятные надписи: судя по всему, не совсем приличные. Она обвела поражённым взглядом этот сверкающий рай – и непроизвольно радостно ахнула.

– Добро пожаловать, – довольно откликнулся Биркан, – вот тут ты и поживёшь первое время. Если захочешь, можешь остаться насовсем...

– Тут красиво... – не слушая его, пролепетала Амисалла. Она замедлила шаг, резко поворачивая голову, чтобы иметь возможность рассмотреть каждый дом, каждую клумбу, заботливой рукой разбитую под его большими светлыми окнами, и ленточки на фонарях, и чистое солнечное небо, и светлую, ровную черепицу на крышах... Дома купцов, мимо которых она проходила, делались всё богаче; она видела, как последовательно увеличивается количество этажей, как

разнообразнее становятся клумбы, строже – огромные высокие ворота, и появляется всё больше стражников в смешной яркой форме. За плечами у стражников висели двуствольные ружья, выглядевшие более чем внушительно, однако это не помешало Амисалле засмеяться над их штанами и куртками нелепого покроя.

– Ты что?! – приструнил её Биркан и даже дёрнул за руку.

Один из караульных сощурился и подозрительно посмотрел на Амисаллу. Она попыталась стереть улыбку с лица, но ей не удавалось не хихикать, глядя в это лицо, казавшееся ещё бледнее под ярко-красной шляпой грандиозных размеров, из-за которой караульному приходилось вытягивать шею, дабы что-нибудь увидеть.

– Не могу... не могу... – продолжая беззвучно хохотать, Амисалла ткнулась носом в плечо Биркана. – Магия Великая... петушиные наряды... а какие они бледные! Биркан, почему они такие?

– Их форму утвердила Купеческая гильдия, – полушёпотом пояснил ей Биркан, старательно отворачивая её голову от подозрительно наблюдавшего караульного, – а все эти люди – бедные дворяне, и они скорее заколются, чем прогуляются под солнышком. Некоторые из них даже мажутся специальными кремами, чтобы не загорать.

Зря он это сказал! Амисалла издала громкий смешок и затряслась в конвульсиях, прижимаясь лицом к руке Биркана. Подозрительный караульный остался позади, но она про-

должала хохотать: стоило ей вспомнить надменную мертвенно-белую физиономию имперца под несуразной ярко-красной шляпой, как её начинал разбирать новый приступ смеха.

– Зря смеёшься, – попытался урезонить её Биркан, чей голос тоже сдерживаемо вздрагивал, – у меня дома двадцать пять таких охранников, и я не хотел бы, чтобы ты... – он взглянул в лицо Амисаллы, покрасневшее от продолжительного смеха, со слезами, текущими из глаз, и раскатисто захохотал сам.

Следом стала смеяться Берта: сначала визгливо и испуганно, а потом – по-настоящему, звонким чистым голосом, который показался Амисалле куда приятнее и красивее. Жаль было, что Берта, отсмеявшись, ничего этим голосом не сказала. Правда, она не сказала ничего, лишь сбавила скорости, чтобы вновь оказаться в нескольких метрах позади них...

– Биркан, – ещё продолжая тихонько посмеиваться, спросила Амисалла, – а ты из какого купеческого разряда? Я помню, ты писал, что из второго, но ведь второму разряду можно иметь только пятнадцать стражников, разве не так?

– Так, – степенно подтвердил Биркан.

– Тогда почему...

– Это было раньше, – пояснил он, – а сейчас я перешёл в первый разряд, и теперь я...

Оборвав себя на самом интригующем моменте, он остановился в десятке шагов от самого высокого, богатого и величественного на вид дома, обнесённого внушительной ре-

шёткой. Из факельной скобы, подвешенной над окнами четвёртого этажа, выползала длинная верёвка, соединявшаяся с четвёртым этажом соседней конторы, и на верёвке висело внушительных размеров полотнище. Амисалла приставила ладонь козырьком ко лбу и зачитала вслух:

– «Резиденция главы Купеческой гильдии, – она споткнулась, решительно протёрла глаза. Нет, зрение и память ей не изменяли... В полной растерянности Амисалла пробормотала: – Биркана Каверно...» – Порывисто обернувшись к довольно улыбавшемуся Биркану, она ухватила его за обе руки и воскликнула: – Ты – глава Купеческой гильдии? Как?! Почему ты ничего не сказал?

– Твои родители знали, и я ожидал, что они тебя просветят.

– Да мы уже восемь месяцев ничего от тебя не получали! – в сердцах воскликнула Амисалла.

У Биркана сделался удивлённый вид. Почесав подбородок, он раздражённо фыркнул:

– Империя! Я знал, что наша почта ужасная, но чтобы потерять восемь писем сразу?..

– В Хевилоне почту никогда не теряют, – с чувством собственного превосходства заявила Амисалла. Биркан лукаво глянул на неё, и она неохотно прибавила: – Если не заводят дел с Империей!

– Я согласен, у нас тут не так комфортно, как у вас, – признался Биркан, – но кое в чём Империя всё-таки лучше тво-

его бесценного Хевилона.

– Чем, интересно?

– Да хотя бы образованием. Если б я был не прав, ты, наверное, сейчас здесь не стояла бы, верно?

Амисалла развела руками и широко улыбнулась Биркану.

– Ну да, ты прав. Знаешь, мне уже не терпится подать документы! Интересно, каково там, ты не слышал?

– Нет, не слышал.

– Наверняка чудесно! – пропуская его слова мимо ушей, воскликнула Амисалла. – Магия Великая, Магия Великая, дожидаться не могу завтрашнего дня! Ты же подбросишь меня до университета, да? Я пока плохо знаю город, могу заблудиться...

Без умолка болтая и мало прислушиваясь к коротким ответным репликам Биркана, Амисалла прошла сквозь ворота, которые перед ними распахнул один из караульных в нелепой форме, дежуривших в главном дворе. Вокруг неё раскинулся цветущий сад. Некоторые, чьи плоды, не виданные ею ни разу в жизни, уже созрели, деловито обдирали слуги. Садовники и садовницы подстригали траву, смешно переваливаясь на корточках или ползая на коленках, удобряли или поливали многочисленные цветы, а те, кто пока был свободен, болтали друг с другом или пытались разговорить караульных, но те отмаливались, презрительно вздёргивая носы. Кажется, им, аристократам, и так не нравилось быть на положении слуг у презренного купца, к тому же ещё и отвер-

женного.

– Биркан! – удивившись одному обстоятельству, Амисалла потянула его за рукав в свою сторону.

– Да?

– Биркан, ведь ты же отверженный...

Уголки его губ мрачно опустились.

– Так.

– А разве в Империи не преследуют отверженных? – сообщив, сколь бестактен был этот вопрос, Амисалла запоздало прикусила язык и виновато прибавила: – Ой... извини...

– Лучше уж любопытствуй, чем принимай всё как должное, – через силу улыбнулся ей Биркан. – Да, ты права, отверженных тут преследуют, но только таких отверженных, у которых нет денег или влиятельных друзей. Я начал сколачивать состояние в Федлисе; там плевать, кто ты родом, лишь бы был сметливым и хватким. В Столицу я приехал купцом третьего разряда, меня уже было бы невыгодно задавливать. Я продолжил пробиваться – и теперь я богаче и сильнее многих дворян.

– А зачем тебе столько этажей дома? – нетерпеливо спросила она. – Я даже в царском дворце в Хевилоне столько не видела!

– Это же не только дом, Амисалла, – снисходительно пояснил ей Биркан, – здесь работаю я и многие мои подчинённые. Первые три этажа – это личное пространство, туда могу войти только я: лестницы на четвёртый этаж нет, а ключ

от главных дверей один, и он – мой. Видишь, следующие этажи немного смещаются влево? – и он, показывая ей, вытянул руку вперёд.

– Вижу, – согласилась Амисалла, – я сразу удивилась, когда это увидела. Поэтому у твоих этажей такие громадные балконы? Чтобы уравновесить здание?

– Ты опять права, – рассмеялся Биркан. – Самые верхние этажи я продал купцам из Кеблоно и Федлиса; они сотрудничают со мной и платят аренду за здание; чуть ниже – многие мореходные ведомства и места для других членов гильдии, а на четвёртом и пятом этаже размещаются королевские типографии.

– Королевские типографии?

– Регент на всём экономит, поэтому многим пришлось тяжело. Платить только мне легче, чем рассчитывать по десяткам счетов и ещё пытаться поддерживать своё дело.

– Невероятно... – выдохнула Амисалла.

Сейчас она уже не чувствовала к Империи такой сильной антипатии. Оказывается, в этом запутанном и непонятном для хевилонского жителя механизме каждая шестерёнка была неразрывно связана с другой, и все они, крутясь, производили нужный эффект, поддерживая блеск и силу Короны.

«А ведь никакие они и не варвары», – отметила Амисалла про себя.

Вынырнув из тени монументальной белой колонны, поддерживавшей дом Бирра с правой стороны, слуга в свет-

ло-синем костюме поклонился им и распахнул перед ними двери, которые держал даже перед Бертой.

Оказавшись в громадном приёмном зале, Амисалла снова не сумела удержаться от восхищённого вздоха, раскатившегося под высокими потолками и усилившегося в несколько раз. Такой роскоши она не видела ни на одном из светских приёмов и пышных балов, на которые её с подругами летом приглашала знакомая отца, имперская герцогиня Бирени. Восхищённая и поражённая, она переступала по богатейшим плотным коврам, стоившим, наверное, с половину её дома, заглядывала в идеально отполированные зеркала и видела там своё отражение: невзрачную дурнушку с растрепавшимися в дороге волосами и побледневшим, осунувшимся за время затворничества с книгами лицом, в тёмном платье путешественницы, которое среди этой роскоши казалось рубищем нищенки. Хотя Биркан и Берта были одеты ещё скромнее, она не могла без стыда стоять рядом с ними, ей казалось, что она своим неподобающим видом позорит их.

– Когда отдохнёшь, Берта съездит с тобой за платьями, – словно угадав её мысли, сказал Биркан.

– Но я совсем не устала! – возмутилась Амисалла.

– Это ты сейчас так думаешь...

Увидев свою комнату, она сразу поняла, что ошибалась. В течение того времени, что имперская почта пыталась отослать ответ Биркана на письмо её родителей по адресу, он

не бездействовал. Едва переступив порог, Амисалла поняла, что такая спальня могла быть создана только для неё. Она словно попала в собственную мечту. Её окружали светлые, строгие цвета, какие она любила, и консервативная, но удобная мебель, которую легко можно было двигать с места на место. Но больше всего её поразила подборка книг, аккуратно расставленных на аккуратно протёртых полочках просторного книжного шкафа.

– Полная коллекция учебников и пособий для студента медицинского факультета, – пояснил явно гордый собой Биркан. – Тебе нравится?

Полные восторга и признательности глаза Амисаллы давали безмолвный ответ на этот вопрос. И, вдруг потеряв над собой остатки контроля, она подпрыгнула и бросилась Биркану на шею, как делала, когда была маленькой девочкой. Берта, попытавшаяся попятиться, не избежала его участи: Амисалла и её сумела поймать, притянуть к себе и крепко обнять, рискуя задушить.

– Спасибо, спасибо вам всем! Вы все такие... добрые, такие хорошие!

Даже когда смущённые, но обрадованные Берта и Биркан сумели высвободиться из её объятий, Амисалла не прекратила повторять:

– Правда, правда, вы такие, такие... слов нет, чтобы сказать, какие и как я вам за всё благодарна! Я вас очень люблю!

– Ну, довольно, – усмехнулся Биркан, – будет, будет, Ами-

салла. Ложись лучше и хорошенько отдохни.

– Да... конечно... – растерянно согласилась она и, приотворив дверь, бросилась на постель.

Перины спружинили от веса её тела, и блаженное ощущение мягкости и удобства окутало её тело. В каюте корабля, хотя та и была первого класса, было не столь удобно, к тому же расслабиться мешали постоянная качка и шум волн, разбивающихся о борт. Лёжа посреди огромных белых подушек, в которых тонула её голова, Амисалла раскинула руки и глубоко вздохнула. Она чувствовала удивительное, тёплое и глубокое чувство, которое никогда ещё её не посещало. Как будто попавшая в сказку, она начинала ощущать глубинную связь с Империей, вызвавшую в ней тихое удивление. Ведь она никогда здесь не бывала, почему её тогда сюда тянуло? Её родина – это Хевилон. Или... всё-таки... Империя?

Что ни означало бы это чувство, но Амисалла была рада оказаться в Столице. Вскоре, когда первый бурный восторг выветрился, она ощутила, как наваливается тяжёлая усталость. Веки её налились приятной тяжестью, она перевернулась на бок и, прижав к себе одну из хорошо взбитых подушек, заснула...

Глава IV. Амисалла

На следующий день Амисалла, полная сил и энергии, уже с первыми рассветными лучами вертелась перед зеркалом, рассматривая себя со всех сторон. И в голове у неё порой, вытесняя напрочь мысли об университете, проскальзывали пугающие мысли.

«А заинтересую ли я молодых людей? Я хоть кому-нибудь могу понравиться?»

Вдоволь налюбовавшись собой, Амисалла завязала широкий пояс на платье и с неохотой отошла от зеркала. У Берты оказался отличный вкус: недолго побродив по просторному, светлому, тихому магазину известной в Империи швеи, которая работала с самой Байной Фолди, женой регента, она подобрала Амисалле с десятков великолепных костюмов по сходной цене. Теперь Амисалла ничем не отличалась от сотен других благородных девушек вокруг, не считая только того, что всего через час ей надлежало предстать перед членами приёмной комиссии Медицинского университета Авалории. В предвкушении столь знаменательного момента она даже не могла стоять спокойно; руки и ноги невольно начинали дрожать от волнения. Да и стоять было весьма проблематично, поэтому она предпочитала расхаживать по просторной столовой Биркана, круто разворачиваясь неподалеку от плотно зашторенных окон и возвращаясь

к двери. Биркан и Берта, завтракая, изредка поглядывали на неё с видимым сочувствием, она делала вид, что не замечает этих взглядов.

– Амисалла, хотя бы поешь, – предложил ей Биркан, – иначе уже к обеду устанешь.

– Нет, я не буду, – напряжённо отказалась Амисалла, даже не притормозив, и продолжила расхаживать по столовой, крепко переплетя между собою пальцы. – Скоро же подъедет коляска, да? – и она пристально взглянула на Биркана.

Биркан сосредоточенно кивнул:

– Где-то через десять минут. Не волнуйся, я не связываюсь с ненадёжными людьми.

– Так ты точно не сможешь поехать со мной? – Амисалла с надеждой взглянула на него, но он отрицательно покачал головой:

– Нет, сегодня у меня много важных дел. Если хочешь, я могу приказать кучеру дожидаться тебя...

– Не надо, – отрезала Амисалла и, заново переплетя пальцы, ускорила шаг. – Сама справлюсь. Не так уж это и страшно.

Она не видела, как Биркан и Берта многозначительно переглянулись у неё за спиной.

* * *

Здание Медицинской Академии привело Амисаллу в состояние восторга, смешанного с ужасом. К ужасу вскорости прибавился стыд: кучер, везший её, не уставал бормо-

тать что-то о «возмутительном падении нравов» и о том, что девушкам совсем не место в медицине. Впервые она обрадовалась своему плохому знанию разговорного имперского: иначе она растеряла бы остатки своей уверенности задолго до того, как столкнулась бы с преддверием приёмной комиссии.

Преддверием комиссии был первый же просторный, отполированный до блеска, с высокими потолками и стенами, в которых мерцал замысловатый витраж, приветственный зал. В каждом конце зала виднелись по шесть дверей под аркообразными карнизами, и перед каждой дверью, будто заградительный барьер, стоял массивный стол красного дерева, и за столом в окружении стопок деловых бумаг, перьев и чернильниц сидела немолодая женщина строгого вида.

Ощувив, как накатывает первый приступ страха, Амисалла решительно наклонила голову и двинулась к центральному столу, пока страх не перерос в непреодолимое желание броситься вон из академии. Женщина, сидевшая за столом, с изумлением взглянула на неё, но она не обратила на это особенного внимания (все её силы уходили на то, чтобы унять предательскую дрожь в руках и не позволять красноте оккупировать лицо). Хриплым от волнения голосом Амисалла пробормотала:

– Доброе утро, мадам... Меня... меня зовут Амисалла Виллиэн, я пришла подавать документы на хирургическое отделение академии... вчера вам должно было прийти пись-

мо... и я... – потерявшись, она умолкла и стыдливо опустила глаза.

Зашуршав бумагами, женщина сверилась со своими списками. Покусав кончик пера, она задумчиво проговорила:

– Амисалла Виллиэн... ах да, вот Вы, пятнадцатая в очереди. Вы пришли вовремя, сейчас Вы должны идти на вступительный экзамен.

– Идти... прямо... сейчас? – испуганным голосом повторила Амисалла. Ей казалось, весь её мир сейчас проваливается в ничто у неё под ногами. – Ку... куда?

– Центральная дверь за моей спиной, прямо по коридору и налево, а там увидите. На двери будет табличка: «Приёмная комиссия по хирургии». Удачи, – вежливо, но абсолютно холодно проговорила женщина и, утерев к Амисалле интерес, уткнулась в свои бумаги.

Даже сжатые в кулаки, пальцы её ощутимо дрожали. Она чувствовала себя песчинкой, по воле ветра носящейся в пустыне, и ей было страшно это ощущение, подтверждавшее, что собственной воли и свободы выбора у неё нет. Монументальность всего того, что окружало её, будто было призвано усилить её страх и растерянность. Неизмеримые высоты сводчатых потолков, окна, сквозь которые смог бы промчаться полк имперской кавалерии, плитки, в строгом геометрическом порядке уложенные одна к другой... Люди, окружавшие её, были такими же: высокими, отчуждёнными и холодными, они словно выстроили вокруг себя некий

барьер, отталкивавший Амисаллу задолго до того, как она успевала к этому барьеру приблизиться... Она старалась ни с кем не встречаться взглядами, и, хотя на неё тоже никто не смотрел, постоянно одёргивала платье и теребила ленты пояса.

Очувившись в полутёмном, широком и прохладном коридоре, она ощутила некое облегчение: здесь не было никого, если не считать девушки в тёмно-зелёной форме, которая спала, удобно расположившись в глубоком кожаном кресле. Это кресло, причём в единственном экземпляре, стояло в метре от светлого проёма налево, куда предстояло свернуть Амисалле. А в проёме, как она уже могла видеть, суетилась толпа студенток и преподавательниц; ни одного мужского лица среди них она не заметила. Ещё раз одёрнув платье, Амисалла тревожно оглянулась на спящую в кресле девушку. Сердце в груди выдало несколько быстрых ударов, и обжигающая волна сжала всё внутри неё.

«Я опаздываю», – подстегнула себя Амисалла и, перебарывая странное стойкое чувство ужаса перед неопределённым будущим, перешагнула порог.

Толпа мгновенно приняла её в своё бурное русло; имперская речь наводнила её уши, но теперь она сумела не потеряться. Хотя коридор был переполнен женщинами, каждая из которых была чем-то обеспокоена, его шум невозможно было сравнить с шумом столичной пристани. Справившись с первым волнением, Амисалла принялась оглядывать-

ся в поисках нужной ей двери. Та оказалась в нескольких метрах впереди неё; перед дверью, как и перед входом в коридор, стоял серьёзного вида стол, место за которым занимала дама средних лет в очках с толстыми стёклами и длинной цепью крохотных бледно-жёлтых бусинок, спускающихся с её шеи, как петля аркана. Сосредоточенно хмурясь, дама просматривала большие веленевые листы и, просмотрев, откладывала их в сторону. Амисалла сглотнула застрявший в горле комок и шагнула ближе.

Дверь с висевшей на ней большой табличкой «Приёмная комиссия по хирургии» распахнулась, и в коридор выглянула светловолосая женщина, казавшаяся намного моложе той, что просматривала листы. Сощурившись, женщина прокричала низким голосом:

– Алана!

– Да? – пробасила женщина с листами, оборачиваясь.

– Кто там следующий по списку? Она пришла?

– Пятнадцатая, – проворчала Алана и усиленно зашуршала листами, – сейчас проверим.

Выпрямившись за столом, она опёрлась локтями о столешницу и трубным голосом воззвала:

– Амисалла Виллиэн! Есть ли здесь Амисалла Виллиэн?

– Да! Да, это я, – торопливо откликнулась Амисалла и сделала ещё пару шагов вперёд.

Обе женщины повернули к ней головы и почти одновременно прищурились. Ощутив, как всё холодеет внутри её

груди, она понурила голову и смущённо повторила:

– Это я, Амисалла Виллиэн... простите за опоздание, пожалуйста... Надеюсь, я не доставила вам больших неудобств? – и, набравшись храбрости, она попыталась одарить обеих женщин очаровательной улыбкой.

Но это не подействовало; дама, сидевшая за столом, лишь больше рассердилась. Сдвинув старательно нащипанные брови, она весомо проговорила:

– Десять минут для очереди благородных девиц – это уже много.

Только после этих слов Амисалла заметила, что к двери действительно выстроилась небольшая очередь. Девушки, прятавшиеся друг у друга за спинами, медленно разошлись, и все с гневом, к которому примешивалась толика презрения, взглянули на неё. Амисалла почувствовала, как начинает загораться её лицо, и торопливо отвернулась.

– Проходите, юная леди, – прохладным тоном промолвила светловолосая женщина, и дрожащая в преддверии неизвестного Амисалла переступила порог за нею следом.

Комната оказалась обычных размеров, но после всего того, что Амисалла успела увидеть, она почудилась крошечной и тесной, от острого взгляда экзаменатора тут негде было спрятаться, что, несомненно, являлось целью проектировщика.

Членов экзаменационной комиссии было шестнадцать, и сидели они за одним длинным столом, располагавшемся

на возвышении посередине комнаты. Для Амисаллы имелось другое возвышение, имевшее вид трибуны, которая глядела точно в центр стола, между седьмым и восьмым экзаменаторами. Все они, кстати, были мужчинами почтённого возраста, и у всех них лица были совершенно непроницаемы и холодны, точно кусок льда. От этого зрелища душа Амисаллы тоже заледенела, но от страха. Не помня себя, она заняла своё место на возвышении; светловолосая женщина тихонько проскользнула обратно и прикрыла дверь.

– Представьтесь, пожалуйста, – заговорил тот экзаменатор, что занимал почётное место посередине стола и имел самый серьёзный и достойный вид.

– Амисалла Виллиэн, господин!

– Амисалла Виллиэн, меня зовут Ортэон Тротто, и сегодня я буду Вашим главным экзаменатором. Я задам Вам некоторое число вопросов; если Вы дадите на них правильные ответы, Вы будете приняты. Вы готовы?

Амисалла взглянула в спокойное лицо экзаменатора и пробормотала:

– Да, господин Тротто.

– Итак, начинаем. – Сцепив руки, Тротто положил их перед собой на стол и осведомился: – Что Вы тут видите? – взглядом он указал на свои руки.

Напрягшись, Амисалла наклонилась к нему через своё возвышение и неуверенно заговорила:

– Я вижу перед собой передние конечности нормально

развивавшегося пожилого мужчины; видимых артрозных изменений нет, переломов, судя по всему, также...

– Нет, Вы не поняли, – мягко остановил её экзаменатор, – я прошу Вас перечислить кости.

– Ах... простите, господин! Да, конечно! В таком положении, которое Вы мне предоставили, – торопливо, чувствуя своё превосходство, заговорила Амисалла, – я могу назвать лучевую, локтевую, плечевую кости, кости запястья и фаланг пальцев, а конкретно...

Обретая всё большую уверенность, она говорила и говорила, слушая, как звенит её голос под потолком. Она уже не видела экзаменатора, членов приёмной комиссии, для неё были лишь его вопросы и её ответы. Она ни разу не давала себе задуматься: ответ сам слетал с её языка, словно рвавшийся из глубин мозга, где он столько времени томился!

– Назовите, прошу Вас, самую прочную кость в человеческом организме?

– Большая берцовая!

– Почему в теле ребёнка костей больше, нежели в теле взрослого человека?

– Многие кости с течением времени срастаются, господин!

– А что Вы сделаете в случае закрытого перелома ноги?

– Для начала, господин, я обеспечу неподвижность для сломанной конечности, дам пострадавшему морфий в качестве обезболивающего, доставлю его в госпиталь и проведу

операцию по сращению кости...

– А если он останется коротконогим калекой? – усмехнувшись, спросил её Тротто.

– Коротконогим калекой? – удивлённо переспросила Амисалла.

Соединив пальцы в домик, Тротто безмятежно ей улыбался, и льющийся из неплотно зашторенного окна солнечный свет придавал его лицу сходство с изображением какого-нибудь из небесных помощников. Но глаза его были хитро прищурены, и Амисалла уже понимала, почему. Хмыкнув, она скрестила руки на груди; радость от победы затопила её изнутри, и в этот момент последние оковы стеснения с неё спали.

– Нет, коротконогим калекой он не останется, господин Тротто! Я буду вытягивать ему конечность, пока она не приобретёт первоначальную длину, при этом удерживая её в таком положении, чтобы кость срасталась правильно, а потом, когда он реабилитируется...

– Довольно, – подняв ладонь, оборвал её экзаменатор. Лукавая и добрая сразу улыбка появилась в его светлых, поблёкших к старости глазах, когда он спросил: – Существует ли предопределение Магии?

– Не существует того, чего невозможно доказать, – гордо воскликнула Амисалла, и её голос торжествующе зазвенел, – но об одном я могу сказать точно: предопределения Магии не существует, когда речь идёт о спасении жизни и здоровья

больного.

– И что обязан знать каждый врач при работе с пациентом?

– Что не существует деления на расы, пол, личные качества и материальную обеспеченность; настоящий врач обязан, не жалея себя, помочь больному; светить другим, сгорая сам!

В одобрительной улыбке, тронувшей губы многих экзаменаторов, она прочла свою участь до того, как ей сказали об этом. Но всё же ей бесконечно приятно было услышать, как господин Тротто, глядя на неё довольными глазами, весело и торжественно произносит:

– Поздравляю Вас, юная леди. Вы выдержали экзамен, не сделав ни единой ошибки, и потому принимаетесь на хирургическое отделение Медицинского Университета полноправной студенткой первого курса!

Никто не слышал, как воображаемые господина Виллиэн, Лиордан, Линна и три хевилонские подруги громко зааплодировали в голове Амисаллы.

* * *

В течение того времени, что оставалось до начала занятий, Амисалла не бездействовала. Она старалась вникать во все дела Биркана и Берты, чтобы помогать им, и вскоре в купеческих кварталах она стала довольно известна; все, кого она знала, включая даже мертвенно-бледных сторожей дворянской крови, полюбили её. И именно эта последняя

любовь, любовь в сочетании с её неразумным любопытством, привели к её знакомству с королевским приближённым, Сомером Мо.

Сомер, как оказалось, был двоюродным братом одного из охранников Бирра и находился с этим охранником в ссоре. Однако, проведав о существовании Амисаллы, он легко восстановил прерванные отношения, а через пару недель узнал и саму Амисаллу. Произошло это солнечным тёплым утром, когда она, сидя в своей комнате, сосредоточенно изучала деловые бумаги. Толстыми чернильно-чёрными линиями она подчёркивала нужные суммы, казавшиеся ей астрономическими: это были ссуды, что Биркан предоставлял дочерним компаниям и отдельным многообещающим купцам. Ничто не предвещало отступления от чёткого графика, выстроенного ею для самой себя. Но мирную и размеренную работу её в миг нарушил громкий стук в дверь и извещение слегка удивлённой Берты:

– Амисалла, там пришёл... этот... как же его зовут... – Берта старательно потёрла обеими ладонями наморщенный лоб и даже застонала. В течение всего того времени, что она пыталась вспомнить, Амисалла с ожиданием смотрела на неё, искоса поглядывая в свои бумаги. Наконец, Берта торжествующе вскинула палец вверх и воскликнула с плохо сдерживаемой радостью: – Его зовут Сомер Мо!

– Что ему нужно? – недовольно отозвалась Амисалла.

– Говорит, что важное дело имеет к гильдии, – растерянно

пробормотала Берта, – Биркана нет, а ему срочно...

– Ну хорошо, хорошо, – Амисалла поднялась и тщательно оправила платье, – я уже иду, пусть подождёт в гостиной на первом этаже.

Сомер Мо послушно ожидал её, удобно устроившись в глубоком кресле и заинтересованным взглядом блуждая по сторонам. Но Амисаллу он заметил сразу; он вскочил, чтобы отвесить ей уважительный поклон, и это немало её подкупило. Многие другие дворяне, которым иногда приходилось иметь с нею дело в отсутствие Биркана, посматривали на неё свысока и надменно фыркали в завитые напомаженные усы, когда она пыталась быть приветливой с ними. А Сомер Мо сам, казалось, старался ей понравиться. И он отнюдь не торопился заговаривать о своём важном деле к гильдии.

– Леди Виллиэн, большое счастье встретиться с Вами... Немало о Вас наслышан...

– Полагаю, хорошего?

– Столь много хорошего, что я чуть было не счёл Вас мифом, – усмехнулся Сомер, – собственно, поэтому я решился встретиться с Вами...

– Неужели?

– Леди, леди, – Сомер успокаивающе поднял обе ладони вверх, – разве Вам не нравится, что к Вам проявляют интерес? Я немало наслышан о Ваших потрясающих способностях в медицине; многие слухи о Вас доходили до нас, невзирая на огромное расстояние между нашими странами... Ко-

гда Вы вылечили того больного в Алеутских ущельях, когда ни у кого не оставалось надежды...

– Не надо, – смущённо покраснев, Амисалла плотнее прижала скрещенные руки к груди, – господин Мо, это было всего лишь везение...

– Везение? Я слышал иначе, – ободряюще улыбнулся ей Сомер, – я сам, как будущий студент медицинского факультета, хотел бы увидеться с таким знаменитым врачом... глупо было бы, если бы я не воспользовался шансом.

– Я просто делала то, что должна была сделать, – вздохнула Амисалла, – я не понимаю, почему меня прославили по всему Иному Миру.

– Двенадцать тяжело, почти неизлечимо больных, – возразил Сомер, – это восхитительно! Расскажите мне подробнее, леди Виллиэн, мне хотелось бы узнать...

– Из любви к науке?

– Скорее, из желания больше узнать Вас, – просто и совсем естественно промолвил Сомер, и перед этой ненаигранной искренностью она не смогла устоять.

– Это случилось... два года назад, – промолвила она и соединила слегка подрагивающие пальцы «домиком», чтобы успокоиться. – Мы с семьёй тогда были в Алеутских ущельях, остановились на постоялом дворе. В одной камерке на самых нижних этажах лежал сын хозяина двора и уже несколько месяцев умирал. Он родился с ужасными отклонениями, и было удивительно, что он протянул до восьми

лет. Нам было так жаль этого мальчика... он сделался чёрным и выглядел, как обтянутый кожей скелет, – она вздохнула с болью, заново переживая ту жуткую картину, увиденную ею впервые ещё четырнадцатилетней девочкой. – Никто не хотел ему помогать, даже сам хозяин приказывал его сторониться, но я не могла так!.. Понимаете, господин Мо? – и она осторожно взгляделась во внимательно изучавшие её глаза Сомера.

– Я понимаю, – доверительным шёпотом согласился он.

– И я стала ухаживать за ним... я сама могла заразиться, да, могла, – утверждая свой прошлый страх, она заговорила громче и подняла голову выше, – я не очень хорошо знала, что мне надо делать, я с таким не встречалась... Но я заметила, как он любит настойки из лаванды... Я стала собирать целебные травы, покупать всякие, везде, где могла. Я сидела над магическими фолиантами и много читала об исцеляющих заклятиях. Я не знала, получится ли у меня... Я очень боялась сделать ещё хуже, хотя куда могло быть хуже... От его тела исходило зловоние, но я не понимала, откуда оно берётся. Я лечила его два месяца, и на исходе третьего, ночью, служанка господ разбудила меня и потащила в его каморку... Он впервые за четыре года сел на кровати, и из его горла струилась чёрная слизь... – передёрнувшись, Амисалла ненадолго умолкла и глубоко вздохнула, собираясь с силами вновь. Сомер хрипло подсказал:

– И потом он вылечился?

– Не совсем, – поправила Амисалла, – я не уезжала из ущелий, пока не привела его в порядок, это длилось полгода. Мне позволили не ходить в пансион, но я должна была присылать с почтой свои работы... Я не знаю, как у меня получилось сделать то, что я сделала, я почувствовала... и... всё. Теперь этот мальчик не так здоров, как остальные дети его возраста, но у него намного больше сил, он ходит, он быстро набирает вес и растёт, а ведь он выглядел как четырёхлетний ребёнок, когда я начала лечить его... – помедлив, Амисалла взглянула на Сомера и промолвила: – Вот тогда я точно поняла, что хочу быть врачом.

– А остальные Ваши больные? Как Вы нашли их?

– Я никого не находила сама. Отец того мальчика написал обо мне в газету, так я стала известной сначала в ущельях, а потом и у себя, в Филисоте, мой адрес выяснили многие больные и стали приходить. Я никогда не отказывалась помочь.

– Вы родились в Филисоте?

– Да, – Амисалла улыбнулась, – Вы там когда-нибудь бывали?

– Нет... – с отголоском сожаления ответил Сомер, – но всегда хотел; говорят, там превосходные виды на море. И это очень развитый город... почему Вы уехали оттуда?

– Местные врачи сказали, что... – стыдливо покраснев, Амисалла едва выдавила: – Что они сами не могут того, что умею я... Они посоветовали мне обратиться к вам, в Импе-

рию... Потому я приехала. – Она опустила взгляд на свои сплетённые пальцы и поспешно поинтересовалась у Сомера, пока он не принялся вновь расспрашивать её о ней самой: – Господин Мо, Вы ведь тоже собираетесь держать экзаме́н на медика. Почему?

– Наверное, потому, что это довольно интересно, – задумчиво промолвил Сомер, – практика меня не привлекает, я нахожусь при дворе, у меня не будет времени... А лечить других придворных, зная их характер...

– Вы странный, – усмехнулась Амисалла, – что делаете такие различия.

– Леди, – весело подмигнул ей Сомер, – странно не делать таких различий... Но Вы ещё ничего не знаете о дворе.

Сомер и Амисалла просидели в гостиной, разговаривая, пока не приехал Биркан и не вытребовал Амисаллу к себе в помощь. Но она не могла сконцентрироваться и часто ловила себя на том, что рассеянно улыбается над его словами.

– Амисалла, – подняв голову от бумаг, требовательно спросил Биркан, – кто этот человек?

– Это? – встрепенувшись, Амисалла с облегчением рассмеялась: – Это Сомер Мо, он приехал сюда, чтобы познакомиться со мной! Видишь, в Империи меня тоже знают... Это очень неожиданно...

– Для меня это тоже неожиданно, – сухо согласился Биркан и медленно обмакнул остро заточенный кончик пера в чернильницу. – Я надеюсь, что ты была благоразумна

и не сказала ничего лишнего.

– Биркан, о чём ты? – возмутилась Амисалла. – Что значит: «ничего лишнего»?

– Сомер Мо – человек придворного круга, что означает: *не нашего круга*, - не поднимая головы и почти не разжимая губ, промолвил Биркан, – возможно, он не слишком плох, но я всё же предупреждаю тебя: не рассказывай слишком много и не поддавайся первому впечатлению. Оно часто обманывает.

– Биркан... – простонала Амисалла, но послушно пробормотала: – Хорошо, я буду настороже.

Всю ночь она провела, почти не смыкая глаз и воображая, как Сомер приедет к ней завтра, как они устроятся друг напротив друга и вдоволь поговорят о медицине, о последних научных открытиях (Сомер не может не следить за наукой, если он действительно собирается стать врачом!); а потом, когда ему уже настанет время возвращаться в загадочный дворец к ногам неадекватного наследника, она расскажет ему о своём родном городе, о своём Филисоте, по которому тосковала почти так же сильно, как и по покинутой семье. Столица заслуженно звалась прекраснейшим городом, но её изящно изогнутые высокие крыши, обращённые коньками в виде оскалившихся львов к востоку, которые равномерно покрывались шелухой солнечного и лунного света, не вызывали в сердце короткой сладкой дрожи. Её шумные парки, машущие листьями, словно опахалами, тонкие дре-

весные стволы в длинных парках, даже площади были разбиты в соответствии со строгими геометрическими правилами, и в безукоризненной красоте, чистоте и организованности не ощущалось отголосков души и сердца создателя. Даже когда кровавый закат обнимал Столицу, и налитые багровым цветом облака прокалывались островерхими шпилями дворцовых башен, город оставался всё так же безучастно восхитителен и отстранён от прочих мирских проблем. Филисот запомнился Амисалле совсем иным. Пусть на его ухабистых холмах дома, магазины и заводы бывали разбросаны в живописном беспорядке, они соединялись невидимой линией родства, и смена времён года и даже времени суток затрагивала каждый дом, каждую кривую, но широкую и удобную дорогу, каждое окошко в высокой башне важных правительственных учреждений. Амисалла часто просыпалась в светлые лунные ночи и, высовываясь из широкого окна, с тоской смотрела в небо, мерцающее серебряными звёздами, и вспоминала, как в это же время она могла бы сидеть в беседке во дворе родительского дома, касаться приятно знакомой шершавой поверхности круглого стола и вдыхать пьянящий аромат цветов в ухоженном цветнике матери. Глядя на непримиримо изломленные или чудно ровные здания Столицы, окружавшие её, она не могла не подумать без ностальгии о милых округлых формах Филисота, о том, как особенно раскладывался свет на радужный спектр в окнах и в озёрной глади...

Но этой ночью Амисалла думала совсем о другом. Она спрашивала себя: будет ли Сомер? Ведь он обещал ей! Надеясь, она не находила себе места от тревоги и нетерпения, она каждую минуту считала, пока с отвращением занималась утренними рутинными делами. Ей даже не хотелось спуститься к завтраку, так как она опасалась, что Биркан угадает её мысли. Но всё же, пересилив себя, она сошла вниз – и оказалось, не зря. Биркан предпочёл есть в своём кабинете: он иногда делал так, если бывал слишком занят, и за столом сидела только Берта, за спинкой стула которой стояла хмурая, невыспавшаяся служанка. Осторожно приблизившись к Берте, Амисалла отодвинула стул напротив и села.

– Доброе утро, Берта, – с усилием промолвила она.

Берта широко ей улыбнулась, демонстрируя уродливые пугающие клыки.

– Доброе утро, – прогнусавила она и с аппетитом вгрызлась в куриную ногу. —Как тебе спалось?

– Замечательно, – соврала Амисалла. – Как ты думаешь, Биркан надолго заперся у себя?

– Сегодня к нему приезжает какой-то Хрео... Те... – запутавшись, Берта пожала плечами и с удвоенным аппетитом принялась есть, – в общем, некий важный господин. Поэтому Биркан сказал не беспокоить его даже тебе. – На мгновение приподняв голову от тарелки, она застенчиво стрельнула взором в сторону Амисаллы и спросила: – Может, ты подсобишь мне в саду?

– В саду? – призадумавшись, Амисалла качнула головой и согласилась: – Хорошо, с удовольствием!

Оказалось, что Берта была большой поклонницей садоводства. Своего цветника у неё дома не было, поэтому она с великой радостью помогала Биркану в выходные дни. Но в Империи даже цветы выглядели иначе. В материнском саду они обязательно встречали Амисаллу яркими чашечками, наполненными солнечным светом и теплом от недавнего его прикосновения, а здесь они, такие же холодные и безучастные, как и всё в их городе, отворачивались от неё, будто не желая даваться в руки. В первые мгновения это настолько поразило и обидело Амисаллу, что ей вдруг захотелось уйти отсюда и запереться у себя в комнате. Но бросать дело, не попытавшись довести его до победного конца, было не в её характере, и она с удвоенной нежностью и заботой взялась ухаживать за цветником вместе с Бертой. Может, это только показалось ей, но цветы неожиданно сделались теплее и приветливее?..

Время шло для неё медленно: даже будучи так занята, она не могла не вспомнить об обещании Сомера. Увы, в особенности Биркана не с кем было пообщаться на интересные ей темы: Берта ничего не понимала в медицине, стражники предпочитали аристократически отмалчиваться, а сам Биркан больше любил говорить о торговых делах и не переводил беседу на другую тему, будто бы опасаясь чего-то. Всё это и не только это повлияло на неё, заставив в нетерпении ожи-

дать Сомера и замирать, понимая, что он мог и солгать ей – из вежливости, как это делали имперские дворяне.

Но, когда солнце встало в зените и в саду сделалось чрезмерно жарко, Берта выпрямилась, откинув прядь волос со лба, и настороженно принялась.

– К нашим воротам, кажется, кто-то идёт, – сказала она. – То есть, едет... верхом.

«Сомер!» – радостно подумала Амисалла. И это оказалось так. Берта бросилась бежать, едва услышала его голос вдали, ещё у первого заграждения охранников, и Амисалла кинулась следом за нею: работая в саду, она безнадёжно испачкала руки и подол платья. Поэтому теперь Сомеру Мо пришлось ожидать внизу и волноваться, помнит ли она об его обещании и обрадуется ли встрече. Амисалла тоже его заинтересовала, наверное, потому, что девушек с таким умом, простотой и искренностью обращения он не встречал в имперском обществе, где леди приучали гримасничать и кокетничать с тех самых минут, как они меняли пелёнки на детские панталончики. Когда же Амисалла снова спустилась по той же самой лестнице, обоим сделалось хорошо и радостно на душе, как бывает, если встречаешь друга.

– Вот и Вы здесь! – обрадовалась Амисалла. – Скажу Вам честно, что я боялась, вдруг Вы не приедете?

– Леди Виллиэн, не приехать? Когда мы столько не успели обсудить?

На этот раз они устроились не в гостиной, а на заднем

дворе дома Биркана, откуда открывался прекрасный вид на цветники, где Амисалла и Берта потрудились сегодняшним утром. И это место, как ей казалось, более всего подходило для долгого дружеского разговора.

– Я слышала, – Амисалла осторожно глянула в сторону Сомера, – на скорое будущее запланировано какое-то очень пышное мероприятие во дворце, но все говорят, что это секрет.

– Здесь нет никакого секрета, – отозвался Сомер, – во дворце все знают, что в будущем месяце Оруэн Фолди и сестра Его Высочества заключат официальную помолвку. Ральмунд доверил мне обучать уба всех, кто будет на церемонии.

– Танцу уба? – недоверчиво переспросила Амисалла и от души расхохоталась. – Но ведь он считается неприличным!

– Неприличны те, кто так говорят, – мгновенно зажёгшись азартом, засверкал глазами Сомер, – уба – это именно то, что помогает рассеять неловкость... Вряд ли Её Высочество и Оруэн будут так хорошо чувствовать себя после этой скучной официальной части.

– Уба – и на помолвке? – весело недоумевала Амисалла.

– Вы знаете, как танцевать уба? – вдруг прямо спросил её Сомер, и она впервые растерялась.

– Не... не совсем... точнее... я даже не видела, как его танцуют, ни разу.

– Так давайте я Вам покажу!

Около часа Амисалла, неуклюже спотыкаясь, пыталась повторить движения Сомера, но, невзирая на их обоюдные старания, у неё ничего не получалось, отчего она заразительно громко смеялась, даже если падала в траву на очередном лихом развороте. Но Сомер не мог остаться с ними хотя бы на обед: он должен был возвращаться во дворец, невзирая на всю грусть расставания. Когда попытки научиться уба были оставлены позади и они, прощаясь, ненадолго вновь устроились на длинной скамье, Амисалла заметила:

– А ведь мы подружались, правда, господин Мо?

– Подружались, леди Виллиэн, – согласно сверкнув глазами, улыбнулся Сомер, – так что, думаю, Вы не станете возражать, если я буду звать Вас Амисаллой? «Свет нуждающихся» – так Ваше имя переводится со старинного авалорийского, это звучит... весьма подходяще.

– Тогда я буду звать тебя Сомером! – радостно откликнулась Амисалла. – Обещай, что приедешь завтра!

– Обещаю. В полуденную сиесту я буду здесь, – поклялся ей Сомер, снимая шляпу и прижимая её к груди.

Эта встреча и многие другие, последовавшие за ней, не нравились Биркану. Однажды он даже вызвал Амисаллу к себе и, хмуро глядя на неё, внушительно и грозно спросил:

– Объясни, пожалуйста, почему Мо так зачастил к нам?

– Это же просто, Биркан, – не растерялась Амисалла, – мы с ним теперь дружим.

– Дружите? – Биркан подозрительно изогнул бровь, как будто он сомневался, что Амисалла и Сомер способны к этому.

– Да, – подтвердила Амисалла и, предупреждая дальнейшие вопросы, которые ей часто задавали уже и мать, и отец, прибавила: – мы всего лишь друзья.

Сомер уехал, но он обещал навестить её в полуденную сесту назавтра. И он действительно приехал, причём не один раз. Не видя его, Амисалла начинала тосковать, хотя нарочно загружала свой день разнообразными делами, и он считал минуты, выискивая подходящее время, дабы вывернуться из хитроумно расставленных силков дворцовых связей и направиться к ней, не теряя лишнего мгновения и заставляя лошадь устало трясти хлопьями мыла на утомлённой морде.

Со временем Сомер Мо сделался для неё больше, чем «всего лишь приятелем». Они спорили о том, чего Биркан и Берта, люди прошлого поколения, не понимали; Амисалла помогала ему готовиться к экзамену в мужскую медицинскую академию... Он же научил её многим имперским танцам и познакомил с принятыми в придворном кругу правилами приличия; от него она переняла многое в имперском разговорном языке. Хотя Сомер предпочитал общаться с ней на высоком авалорийском, вначале ей удалось уговорить его переводить ей ругательства и беседы кучеров и кухарок; а затем и он принялся неудержимо болтать на разговорном, как он сам объяснял, «чтобы она научилась пони-

мать простую речь быстрее». Временами, когда им надоедало дурачиться, Сомер заводил с ней долгие серьёзные беседы...

– Амисалла, – сказал он однажды, – ты прекрасная, умная и сильная женщина, но живёшь ты... как в клетке.

– О чём ты? – насторожилась Амисалла. – Наоборот, тут все уже смотрят на меня как на помешанную. Ну конечно, я же не натягиваю по двадцать платьев в жару, не падаю в обморок, когда увижу мышку, поступила на медицинский факультет и помогаю Биркану в работе. Если я осмелюсь надеть камзол, меня, наверное, казнят.

– При дворе – нет, – усмехнулся Сомер и лукаво глянул на неё.

– Мы сто раз это обсуждали, – посуровела Амисалла и решительно скрестила руки на груди, – я ко двору не поеду.

– Почему? Потому что Биркан запретил?

– Потому что я сама этого не хочу! Очень мне нужно любоваться на вашего Принца, который...

– ...по которому плачет смирительная рубашка, угадал? – звонко рассмеялся Сомер. – Послушай, меня тоже раздражает Ральмунд, но ведь я держусь при дворе, и, как видишь, получаю удовольствие.

– Ты его получаешь потому, что тебе больше некуда деваться. Тебя ни к чему не приучили, ты совершенно беспомощен, вот и крутишься при Ральмунде, – отчитала его Амисалла. – А будь ты независим, ты ни за что в жизни туда

не вернулся бы.

– С чего такая озлобленность? – шутливо спросил Сомер. – Ведь ты ни разу не бывала при дворе.

– Я туда не хочу, Сомер.

– Давай... хоть разочек... Ты всегда сможешь повернуть назад.

– Нет! Нет...

– А ты подумай...

Такие разговоры повторялись между ними тем чаще, чем дольше они были знакомы, подтачивая её уверенность следовать наказам Биркана и не иметь никаких дел с королевским двором. Она внутренне сгорала от желания окунуться в эту неизведанную жизнь, о которой Сомер столько всего ей рассказывал. И, кажется, ей, уже освоившейся со Столицей, предоставили большую свободу... Она колебалась, а Сомер продолжал приходить и беседовать с ней. Чаще всего они это делали в саду, где было не так много надменных сторожей в кроваво-красных шляпах, где их разговоры трудно было подслушать.

– Если бы только ты показала свои таланты при дворе, – вслух мечтал Сомер, – ты получила бы возможность иметь собственный госпиталь...

– Сомер... мне это не нужно, – мягко возражала она. – Ведь, Сомер, я многого ещё не знаю.

– Но ты не узнаешь лучшего в Империи, если не помотришь на королевский двор! Амисалла, сердце Авало-

рии бьётся во дворце! Ты не видела Королевского Парка, ты не видела наших чудесных статуй, не была на балах...

– Мне неплохо танцевать только в одной паре, – улыбалась Амисалла в ответ. – Давай руку, ты же обещал показать новую фигуру вилу!

Но однажды Сомер стал необычно серьёзен. Можно было даже сказать, что он сделался мрачен и угрюм. Присев рядом с ним, Амисалла положила руку ему на плечо и испытующе взгляделась в погрузневшие глаза.

– Что с тобой?

– Ральмунд, всё Ральмунд, – устало вздохнул Сомер, – сегодня случился очередной припадок, он упал без сил и чуть не разmozжил себе голову о край стола. Всё это когда-нибудь его доконает, Амисалла.

– Он и вправду настолько болен? – с просыпающимся горьким сочувствием спросила она, и внутри неё зашевелилась змея, упрекающая её в черствости и самовлюблённости, в трусости, что удерживали её в уютном доме Биркана и не допускали к страдальцам.

– Да, – глухо отозвался Сомер, – и ему делается всё хуже...

Эти слова непрекращающимся горьким эхом отзывались у неё в голове, не позволяя спать по ночам и спокойно, усидчиво заниматься делами Биркана. Каждый час промедления для неё был полон стыда и раскаяния, она лихорадочно составляла планы и искала в книгах, чем можно помочь Принцу. И она боялась, что может упустить момент, что в любой

момент к ней прискачет Сомер с печатью страдания и горечи на лице и расскажет, как в мучениях умер наследник престола. Она тщательно готовилась, подделывала документы, чтобы незаметно ускользнуть из-под бдительного надзора Биркана, и всё-таки чудилось ей, что она слишком нерасторопна, и что сердце у неё становится твёрже от мгновения к мгновению.

Одним погожим свикильским утром Амисалла, захватив пропуск в Королевский Парк, поскакала на охоту. А Биркан и Берта, возившиеся на четвёртом этаже в это время, наивно верили, что она умчалась улаживать проблемы с вредным клиентом, которого на самом деле не существовало...

Глава V. Лиэс. Амисалла

Ворота, ведущие в Королевский Парк, были распахнуты. Солнце весело скакало по светлым столбикам; белёдые пятнышки то появлялись на них, то исчезали снова, то растягивались, то, наоборот, съёживались. Стучали копыта коней, болтали друг с другом радостные придворные, но из этих звуков Лиэс привычно выделял птичью трель, разливавшуюся под сенью тёмно-зелёных куп старинных деревьев, что, по легенде, были посажены ещё прославленным предком Ральмунда, основателем династии Вампьерде, великим Олуэйном. Лиэс крепче вцепился в поводья, чувствуя, как холодок пробегает по его спине. Придворные надвигались на беззаботно звенящий, свистящий и стучащий лес словно тёмная грозовая туча или непредсказуемый шторм, они ехали сюда убивать. И он, Лиэс, он тоже собрался... убивать...

Стрелять в беззащитных животных, нападать на тех, кто мог защититься, но первым не набрасывался, под свист, улюлюканье и кровожадный лай и сопение гончих... а потом видеть эту кровь, кровь, которая течёт ручьями, собирается в озёрца; чувствовать тяжёлый обволакивающий запах смерти, давящий на плечи, словно объятия рока... Но самым ужасным и омерзительным было то, что он собрался смотреть, как в глазах животного медленно гаснет искра жизни и недоумевающий взгляд, полный боли, в последний раз фо-

кусируется на убийца. Он собрался наблюдать, как вылетает последний вздох из истерзанного тела; но не только быть отвлечённым зрителем при этом кошмаре, а и его деятельным участником – в угоду Ральмунду! Ральмунд в течение всего того времени, что Лиэс и Оруэн ехали рядом с ним, не спускал с Лиэса тяжёлого торжествующего взгляда, но почему-то скрывал это. Каждый раз, замечая, что Лиэс смотрит на него в ответ, он недовольно передёргивал плечами, тянулся дрожащей рукой к ружью, затем встряхивался и отворачивался, надвигая шляпу на лоб.

Пышная кавалькада придворных поднималась по пригорку; с его высоты простиравшийся внизу лес казался детской игрушкой, вырезанной затейливыми мастерами. Лиэс чувствовал даже с расстояния, сколь много жизни и энергии в этих переплетённых друг с другом ветвях, он предвидел будущее кровопролитие, и от встававших перед взором кошмарных картинок ему делалось дурно. Солнце, поднявшееся выше, вызолотило снежно-белую дорогу под конскими копытами; многие из придворных вскинули, заслоняясь, руки и сощурились. Поверх рукава Лиэс увидел, как с другой стороны пригорка появился тёмный конный силуэт.

Придворные, столпившиеся позади Принцев и их приближённых, недоумённо зашептались. Фигура, стоявшая прямо напротив Лиэса, вскоре разделилась на две части: конскую и женскую. Верхом на лошади сидела девушка примерно одних лет с Лиэсом, одетая в непритязательный дорожный ко-

стюм и слишком большую для её головы шляпу с пером, что норовила съехать то на глаза девушки, то вовсе свалиться на дорогу под копыта её коня. Лошадь была породистая, тонконогая, гнедая в тёмных яблоках, с умными тёмными глазами, изучавшими королевскую свиту с таким же удивлением и настороженностью, с какими свита изучала коня и его обладательницу. Девушка, судя по нездоровой бледности и растерянному выражению лица, сама не понимала, откуда у неё взялась наглость преградить путь самому наследнику; она пыталась что-то вымолвить, но язык её не слушался.

– Ваше... Высочество... – прошептал Сомер Мо, побледневший едва ли не больше девушки. – Позвольте мне... объяснить...

– Ступай к чёрту со своими объяснениями, – отмахнулся от него Ральмунд. Нездорово блестя глазами, он протянул к всаднице руку и крикнул: – Леди Виллиэн! Большая честь с Вами увидеться, Сомер мне столько о Вас рассказывал...

Девушка выронила поводья и даже приоткрыла рот от изумления, отчего вид у неё сделался совершенно глупый. Лиэс предпочёл с презрением отвернуться от неё: чем дольше он на неё глядел, тем больше антипатии ему внушала она: почти в мужском костюме, сидящая в мужском седле, непонятным образом проникнувшая на королевскую дорогу и теперь испугавшаяся своих смелых начинаний. А между тем Лиэс чувствовал, что девушка смотрит именно на него с надеждой; ведь он был единственным, кто поехал сюда

не по своей воле и впервые, и она это поняла. Ему хотелось повернуться к ней и крикнуть: «Я ничем не могу помочь! Я так же растерян, как и ты!»

– Ваше Высочество... – хрипло проговорила девушка. Краснота прилила к её щекам, и она намного чётче и увереннее воскликнула: – Ваше Высочество! (шляпа у неё на голове опасно накренилась, девушка поправила шляпу и выше подняла голову). Раз Вы знаете меня, значит, Вы должны знать цель, с какой я приехала сюда по просьбе Со... господина Мо!

– Да, конечно, я знаю, – отозвался Ральмунд, – мой идидот говорил, Вы никогда не почтите нас своим присутствием, но я чувствовал, что Вы здесь окажетесь. Вот почему эта охота – особенная.

Лиэс злобно прикусил палец и наклонился к холке лошади, лишь бы не видеть, как смущённо краснеет незнакомка. Ральмунд был истинным талантом по части комплиментов, но несчастье его заключалось в том, что комплинтам он всё чаще и чаще предпочитал избиение. Даже сейчас, когда он галантно обхаживал девушку, оказавшуюся иностранкой из Хевилона, глаза у него оставались звериными, а взбешённый медведь в них выглядывал настойчивее.

– Сомер, – лениво сказал Ральмунд, когда девушка боязливо подъехала ближе, – уступи своё место леди, давай.

– Ваше Высочество...

– Давай!

Обозлившись, Ральмунд схватился за кнут и привстал в стременах, нависая над Сомером. Тот покорно склонил голову, и из-под полей его шляпы послышалось приглушённое: – Как скажете, Ваше Высочество.

Девушка заняла место Сомера, и процессия весело двинулась дальше. Никто, наверное, не видел, что гостя и Сомер нарочно едут настолько близко друг к другу, дабы иметь возможность держаться за руки. Увидев это, Лиэс поразился собственной реакции: внутри него будто пробудился тот самый медведь, которого он столько раз замечал в глазах Ральмунда. Девушка и Сомер едва касались пальцев друг друга, как полагалось близким друзьям, но он, пожирая их соединённые руки бешеным взглядом, готов был квалифицировать это как жесточайшее преступление против нравственности. «И почему? – с удивлением спрашивал он у себя. – Почему мне не всё равно? Почему я стыжусь за тех, кто нарушает приличия, словно я виноват в их падении? Почему я еду позади них, чтобы никто не увидел, как они держатся за руки?»

Камни под копытами коней исчезли: достигнув высшей точки пригорка, кавалькада на мгновение замерла – а потом бешеным потоком рванулась вниз, к заманчиво блестящим распахнутым воротам Королевского Парка. Свистнул, резко похолодев, ветер, затрепетали лошадиные гривы, перья на шляпах придворных и заплетённые в косы волосы девушки, бившие её по спине. Лиэс уловил её приглушённое

ный вопль – и краем глаза заметил, как её шляпа, ускользая от рук владелицы, взвивается высоко в синее небо. Ральмунд рассмеялся жутким гортанным смехом и вытянул свою лошадь кнутом.

– Не волнуйтесь Вы так, леди. Я найду для Вас другие шляпы, сколько пожелаете.

– Я ценю Ваше благородство, – в шуме ветра голос девушки звучал приглушённо, но от этого в нём не убывало гордого достоинства, – однако я вынуждена отказаться. Не волнуйтесь, мой кошелёк не опустеет от того, что я прикуплю себе шляпку. Разве Сомер Вам не рассказывал, что...

– Что Вы работаете вместе с купцом Бирканом Каверно, главой Купеческой гильдии, – оборвал её Ральмунд и снова зашёлся в зловещем смехе, – женщина, не стесняющаяся исполнять мужскую работу... Я в это, честно сказать, не верил.

– В Хевилоне, – гордо сказала девушка, оборачиваясь к Принцу в седле, – женщины давно получили свободу, и я считаю, что это гораздо продуктивнее и гуманнее, чем принято у Вас, в Империи...

Когда девушка осмелилась заявить это столь уверенным тоном, вздрогнуло и зашлось гневом не только неукротимое сердце Ральмунда. Почти вся королевская свита метнула на гостью полные ярости взгляды, в том числе это сделал и Лиэс. Он чувствовал, как неприязнь к девушке в нём перерастает в нечто, весьма похожее на ненависть. Он никогда ещё никого не ненавидел, но неожиданно открыл для се-

бя, что ненависть может быть... сладкой и приятной. Империя не была идеальна, но никому не было позволено говорить о ней с таким пренебрежением, в особенности – ничего не смыслящим наглым девицам из Хевилона!

– Тпру! – первым закричал Ральмунд, когда спуск с пригорка стремительно закончился, и Королевский Парк заманчиво и громко зашелестел древесной листвой.

Раздался звонкий щелчок кнута, а вслед за тем – жалобное тонкое ржание и хрипящий от кровожадного нетерпения голос Принца:

– Едем! Едем, скорее! Я чую её!

Лиэс в недоумении вскинул руку с хлыстом над лошастью, но так и не опустил её. Воздух взорвался криками и торжествующим свистом, под небесным куполом замелькали, смешиваясь с толстыми тёмно-коричневыми вековыми деревьями, белые, красные, чёрные перья на шляпах охотников. Загавкали и зарычали гончие, спускаемые с поводков, и слюна закапала с их обнажившихся клыков. Предчувствие смерти, насилия и кровавой бойни снова больно стиснуло сердце Лиэса. Он остался практически один перед распахнутым зевом леса, понимая, сколь нелепо его положение, но не в силах заставить себя броситься за остальными. Сомер и леди Виллиэн тоже задержались: она придерживала его за рукав, хотя видела, как хищно сверкают его глаза и раздуваются ноздри.

– Кого он почуял, Сомер? – тихо спросила девушка. – Я боюсь...

– Добычу, Амисалла, – сдавленным от волнения голосом проговорил Сомер в ответ, – он чует добычу! Если боишься, можешь остаться с Лиэсом. Ведь Вы никуда не едете, верно, Лиэс? – обернувшись, он хитро глянул на Лиэса.

Заметно побледневшая Амисалла пронзительным взглядом взглянула на него, и поводья сжались в её кулаках. Гордость ударила Лиэсу в голову, и злобный голос внутри прошипел: «Не смей поддаваться! Она, и Сомер, и все вокруг только и ждут, когда ты опозоришь свою семью, поставишь на себе клеймо труса... Не дождутся они этого!»

Упрямо вскинув голову, Лиэс фыркнул сквозь зубы:

– Нет, Сомер, я еду с Вами. Искать зверя.

Брови Сомера изумлённо вскинулись.

– О, – изумлённо протянул он, – признаться, я такого не ожидал... Ну что ж, Лиэс, берите ружьё и смотрите в оба. Мы достанем для Его Высочества лучшую добычу!

– А как же я? – потерянно спросила леди Виллиэн позади них.

Вздвогнув, Сомер обернулся, и Лиэсу показалось, что он увидел мгновенную жалость в его погрустневших глазах. Стараясь выглядеть таким же весёлым, как и всегда, Сомер поправил шляпу и одарил встревоженную леди Виллиэн тусклой улыбкой:

– Ну... а ты лучше подожди здесь, Амисалла. Если случайно отрезеешь Ральмунда от добычи, он тебя пристрелит.

На высоких скулах девушки выступили едва заметные

красные пятна.

– Нет, Сомер! Так просто ты от меня не отвяжешься, не жди! – легко пришпорив коня, она нагнала их, и гордая улыбка тронула уголки её губ. – Я тоже буду охотиться! Ведь я не просто так приехала сюда!

Лёгкий ветер, блаженный в летний зной, зашевелил перья на шляпах Лиэса и Сомера и растрепавшиеся волосы леди Виллиэн. И тот же самый ветер донёс до них дикий рёв, смешанный с радостными воплями и оглушительным собачьим лаем.

Глаза девушки мгновенно переполнились страхом, Лиэс судорожно вцепился в поводья своего коня, нервно начавшего прятать уши, а Сомер разразился дробным колким смехом:

– О, не нужно беспокоиться. Это Ральмунд: он поймал зверя.

* * *

Тяжело дыша, залитый кровью Принц стоял посреди первой же широкой прогалины, встретившейся Лиэсу, Сомеру и леди Виллиэн в их поисках. В той части Королевского Парка, где им открыли ворота, легко было бы заблудиться, если бы с ними не было Сомера, давно изучившего здесь каждую тропку (он охотился с королевской свитой с тех пор, как ему исполнилось двенадцать), и если бы Лиэса не вела магия, подсказывавшая ему, где выплёскивались ужас преследуемой жертвы и жадное нетерпение преследователей. Он

ожидал увидеть нечто страшное, но к подобному он готов не был.

Слегка покачивающийся Ральмунд склонился к туше кабана, разорванной напополам и испещренной входными отверстиями от пуль. Туша бессильно завалилась набок, истерзанное мясо тонуло в огромной луже тёмно-вишнёвой крови. Тяжело дышащий, нездорово бледный, Принц безразлично глядел широко распахнутыми красными глазами на обнажившиеся, влажно блестящие внутренние органы. Кругом него в жутком порядке лежали ещё шесть кабаньих туш, разорванных с таким же варварством, а вороны уже начинали описывать медленные круги под перекрывающимися друг друга тёмно-зелёными широкими кронами деревьев. Лиэс ощутил, как к горлу подкатывает тошнота; попытался закрыть глаза. Тяжёлый запах пролитой крови, страха и боли душил его, ему казалось, если он простоит здесь ещё с несколько минут, то лишится чувств.

Дружески сжав его плечо, Сомер склонился к его уху и успокаивающе прошептал:

– Ничего, ничего, сейчас Вам полегчает. Когда я в первый раз такое увидел, меня стошнило в кусты.

– Сомер, что у вас там за секреты? – зарычал Ральмунд.

Опёршись на измазанный в крови приклад ружья, он убрал сапог с поверженного кабана и неуклюже прохромал к ним. Лицо Принца было бледным, словно у призрака, с него ручьями катился пот; видимо, он настолько ослабел,

что мог свалиться в обморок в любое мгновение. Но глаза у него блестели так ярко, как Лиэсу ещё никогда не приходилось видеть. Бешеный огонь в них пожирал остатки сил Принца. Ральмунда шатало всё сильнее, теперь стоять прямо ему не помогало даже ружьё. Впившись в Лиэса ядовитым взглядом, Ральмунд прошипел:

– Что, боишься?

– Нет, Ваше Высочество! – храбро соврал Лиэс, но Ральмунд ему не поверил. Медведи в его глазах оскалили клыки.

– Лжёшь!

– Ваше Высочество! – предупреждаяще вскрикнул Оруэн.

Схватив Лиэса за руку, Ральмунд выдернул его к себе ближе и полными злобного бешенства глазами взгляделся в него.

– Видишь, что я сделал? Думаешь, наверное, что я бесчувственная тварь. Пусть будет так... – бормоча это, как сумасшедший, Ральмунд подталкивал оцепеневшего Лиэса ближе к разорванной кабаньей туше, заставлял смотреть на жуткую рану, тянущуюся вдоль брюха, и на ворон, которые, не обращая на людей внимания, жадно клевали высунувшиеся петли кишок. – А всё-таки ты взглядишь... внимательнее взглядишь в это...

Рука Ральмунда повелительно опускалась Лиэсу на голову, хотя он и без этого во всех ужасающих подробностях видел чёрные, отливающие перламутром под солнцем перья ворон. Просвечивающие изнутри кишки. Как глянец, сверкаю-

щую печень. Озёра вишнёвой крови, стекающие к открытой кабаньей пасти с отвисшей нижней челюстью и пожелтевшими выпирающими клыками. Озёра эти были столь глубоки, что копыта убитого животного в них исчезли, сапоги Лиэса и Ральмунда утопали в них. Лиэс чувствовал на своём лице смрадное дыхание смерти, которое вызывало в нём панический ужас. Желание любыми способами выкрутиться и сбежать отсюда, туда, где не пахнет бойней и предсмертным испугом, сотрясало его.

– Вглядишься в это... – прошептал Ральмунд над его ухом. – Неужели ты не чувствуешь, как тебя тянет сделать то же самое? Желторотый птенец, Лиэс, ты не понимаешь, что это за наслаждение: воткнуть в него меч и выпустить ему кишки! – издав хриплый смешок, Ральмунд выпрямился и потащил Лиэса за собой, отворачиваясь от растерзанных кабанов. – Когда он захлёбывается своим глупым визгом и смотрит на меня этими пустеющими глазами, знаешь, что я испытываю? Восторг... удовлетворение... Иногда я жалею, что не могу собственноручно делать то же самое с людьми...

Пошатнувшись, Ральмунд выпустил плечо Лиэса и, уже падающий, неуверенно шагнул вперёд. Оруэн и Сомер вовремя подхватили Принца под руки, но тот уже лишился сознания.

– Ваше Высочество! Ваше Высочество? – тревожно закричал Сомер. – Ваше...

– Молчи, – цыкнул на него Оруэн, – обычное нервное пе-

реутомление. Мы отвезём Его Высочество во дворец, а там он придёт в себя.

– Как и всегда случается, – будничным тоном прибавил Илкай, глядя не на брата, а на подсвеченные солнечным блеском кроны далёких деревьев.

Леди Виллиэн решительно шагнула в зловещий круг кабаньих туш. Её глаза запылали праведным гневом; она прижала трясущуюся левую руку к груди, а указательный палец правой наставила на радостно пирующую тучу воронов и почти провизжала:

– Так нельзя!

Сомер печально вздохнул, глядя на неё грустными глазами, и, поправив на своём плече безвольно висевшую окровавленную руку Ральмунда, ниже опустил голову.

– Леди Виллиэн, – сказал Оруэн, – от имени Его Высочества прошу извинения за этот инцидент. Думаю, госпожа Фолди выделит Вам комнату во дворце, чтобы Вы смогли оправиться от испуга.

– Я не хочу тут оставаться! – вскрикнула Амисалла. – Нет! Прошу прощения, но это невозможно!.. Я хочу уйти!

– Я настаиваю, леди Виллиэн, – мягко промолвил Оруэн, но взгляд его сделался жёстким. – Если Вам страшно, Лиэс может посидеть с Вами.

Леди Виллиэн нерешительно обернулась к нему и даже протянула руку, но в следующее мгновение уже опустила её.

– Это Вы?..

– Я попрошу госпожу Фолди приготовить комнату в западном крыле дворца, – бросил Оруэн напоследок и, отвернувшись, потащил бесчувственного Ральмунда к своему коню.

– Подождите! Подождите, господин! Я не останусь здесь на целый день! – задрожавшим голосом прокричала леди Виллиэн ему в спину.

– Подарите же нам несколько часов, – не оборачиваясь, непререкаемым тоном сказал Оруэн.

Королевская свита умчалась, стуча копытами, следом за Оруэном, впереди которого болтался, словно тряпичная кукла, Ральмунд, безвольно уронивший голову на лошадиную шею. Лиэс и леди Виллиэн обменялись встревоженными взглядами – и одновременно протянули друг другу руки.

– Поедемте отсюда, – попросила она жалобным голосом, – я не смогу этого вынести...

– Я тоже, – совершенно серьёзно согласился Лиэс.

* * *

Госпожа Байна Амилия Фолди, мать Лиэса и Оруэна, была фактической заведующей обширного дворцового хозяйства. Она следила за всеми прачками, горничными, уборщицами, кухарками и швеями, проживавшими на нижних этажах. Она распределяла, в каких комнатах будут проживать придворные и сколько людей будет им прислуживать. Она выбирала меню для общего завтрака и придумывала новые костюмы для двора, мгновенно входившие в моду да-

же за пределами государства. Власть над будничной жизнью дворца безраздельно принадлежала ей, и в пределы её территории не осмеливался вторгаться даже регент. Узнав, что прибывшая с охоты девушка хоть и несколько необычна для Империи, но всё же не столь плоха, сколь ей старательно пытались нашептывать, госпожа Фолди приказала выделить лучшую комнату в западном крыле замка. В западном же крыле, но двумя этажами выше, располагались покои, куда перенесли бессознательного Ральмунда.

У Лиэса не было ни малейшего желания развлекать леди Виллиэн, но она выглядела настолько растерянной и испуганной, что он не решался её покинуть. Прижав руки с крепко стиснутыми кулаками к груди, она обмеряла просторную комнату крупными шагами, а похолодевший с приближением вечера ветер раздувал лёгкие персиковые занавески на распахнутых окнах. Не оглядываясь на Лиэса, леди Виллиэн потрясённым охрипшим голосом безостановочно говорила и говорила, а он уже перестал вслушиваться в её слова, зная, что они обращены не к нему.

– Я многого ожидала... очень многого! – вскрикивала Амисалла, воздевая руки к высокому сводчатому потолку. – Но такого... я знала, что ваш Принц болен... а он не только болен, он, он... он, кажется, сумасшедший! Магия Великая, как мне его жаль...

– Жаль?! – услышав об этом, Лиэс как ужаленный сорвался с места и замер перед изумлённо застывшей леди Вилли-

эн. – Вы хоть слышите, что говорите? Вы видели, на что он способен... и Вы после этого его жалеете?

– Он всего лишь больной человек, – прищурившись, сурово отчитала его леди Виллиэн и выше подняла голову.

– Значит, Вы просто не чувствовали... все эти запахи... и эту боль и этот ужас Вы тоже не чувствовали! – словно заново переживая тот момент, Лиэс встряхнул головой. – Вот кого там стоило бы пожалеть! Вы просто не способны перенять на себя это...

Сообразив, что говорить подобные вещи не стоит, он с усилием заставил свой болтливый язык умолкнуть, но было поздно. Теперь леди Виллиэн смотрела на него с тихим состраданием, как на жертву, пробуждая стыд и гнев в его душе. Украдкой взглянув в его искажившееся лицо, она тихо спросила:

– А Вы... Вы чувствуете?

– Да, – коротко ответил Лиэс и поспешно отвернулся от её пытливого взгляда.

– Значит, в Вас очень сильная магия, – с восхищением промолвила она, – во мне такой нет, я знаю. Отец говорил мне, что только могущественные носители целебной магии способны переживать последние секунды жизни убитых и чувствовать в воздухе эмоции. Это... великий дар.

Ограничившись коротким фырканием, Лиэс отступил к дверям, но это было слабой защитой, ведь леди Виллиэн не позволила бы ему уйти, не услышав ответов на свои во-

просы.

– Я это ещё тогда почувствовала, – продолжила она, – когда впервые Вас увидела. И, когда Вы смотрели на туши, я убедилась. Наверное, тяжело охотиться с таким даром, – в её словах прозвучал отголосок презрительной насмешки.

– Я не охотник, – холодно отрезал Лиэс.

– А кто же Вы?

Помолчав, Лиэс неохотно промолвил:

– Личный секретарь регента.

– самого регента? – восхищённо ахнула леди Виллиэн. – Это... наверное, большая честь!

– Да какая тут честь, – раздражённо откликнулся Лиэс, – я выполняю такую же секретарскую работу, как и в любой захудалой конторе Империи.

– Вы хотели бы большего?

– А кто не хочет?

– Тогда добейтесь, – спокойно предложила леди Виллиэн и улыбнулась. – Не знаю, почему, но я в Вас очень сильно верю.

Безо всякого предупреждения дверь, ведущая в приёмную комнату покоев, распахнулась, и смертельно бледный, с встревоженными и печальными глазами, Сомер Мо шагнул внутрь. Косо глянув на Лиэса, он усмехнулся и протянул руку леди Виллиэн.

– Амисалла, идём со мной.

– Куда? Зачем? – настороженно приподняв плечи и сузив

глаза, осведомилась она.

– Его Высочество очнулся. И он желает тебя видеть, – обречённо выдохнул Сомер.

Даже сердце Лиэса вдруг забилося тише и покрылось холодной коркой от страха, но сама леди Виллиэн просияла, как будто для неё не могло быть новости радостнее, чем желание Принца её видеть. Одарив Сомера солнечной умиротворённой улыбкой, она покорно приняла его руку.

* * *

Совершенно разбитый и беспомощный, Ральмунд лежал на диване в своих покоях. Под голову ему придворные натащили гору подушек; Сомер распорядился приготовить крепкий кофе и принести шахматы, чтобы сыграть партию с Оруэном и этим развлечь Принца. Ральмунд сам был неплохим игроком в шахматы, но сейчас он чувствовал такую слабость, что не мог самостоятельно шевельнуть даже пальцем. Несколько пажей усердно махали над его головой веерами, а он равнодушно смотрел в потолок и, кажется, что-то обдумывал. После припадков Ральмунд всегда чувствовал истощение сил, и с каждым новым таким припадком оно становилось сильнее. В последнее время он часто стал спрашивать у Оруэна и Сомера, долго ли он проживёт.

– Долго, Ваше Высочество, – успокаивал его Оруэн с усмешкой, – проживёте дольше всех нас.

– Конечно, – поддакивал Сомер.

– А если я вас обоих сейчас перестреляю? – мрачно хо-

хотнув, спрашивал Ральмунд и откидывался на подушки.

Сейчас он не пожелал слушать никаких утешений. Упорно протягивая вперёд руку с радужно мерцающим Королевским знаком, он приказывал слабым, но настойчивым голосом:

– Приведите леди Виллиэн. Зовите её ко мне, я хочу её видеть!

Пока Сомер отсутствовал, разыскивая леди Виллиэн во дворце, Ральмунд глядел в потолок, кусал губы и о чём-то тяжело вздыхал. Оруэну никогда не доводилось видеть его таким, и, тихо сидя у шахматной доски, он размышлял, чем подобное могло быть вызвано. Истинный сын своего отца, он родился при дворе и с малолетства привык интриговать и лгать, лишь бы не выпустить из рук Ральмунда – своё мощнейшее оружие и крепчайшую нить, привязывавшую его ко двору. Его многие не любили, он это знал и потому всеми силами держался за Принца, за гарант сохранения своей карьеры, репутации и, возможно, даже жизни.

Дверь покоев приоткрылась, внутрь несмело просунулась голова пажа.

– Ваше Сиятельство, – обратился он к Оруэну, – Его Сиятельство Мо и леди Виллиэн пришли.

– Пусть заходят, – взмахнув рукой, разрешил он и одним глазом сосредоточился на шахматах, а другим, причём куда более внимательно, на погрустневшем лице Ральмунда.

Сомер и девушка прокрались в комнату на цыпочках, лишь бы не потревожить больного, но тот сразу их заметил,

и его туманные глаза прояснились.

– Леди Виллиэн! Я давно Вас жду. Пожалуйста, сядьте рядом со мной...

Амисалла встревоженно прокрутилась вокруг своей оси, с вопрошающим испугом поглядывая то на Сомера, то на Оруэна. Пряча глаза, Сомер мягко подтолкнул её вперёд; Оруэн посторонился, пропуская её к дивану Принца. Она нерешительно остановилась у богатых глубоких кресел в трёх-четырёх метрах от Ральмунда, её рука, побелев, стиснула изогнутый мягкий подголовник.

– Нет... ближе... ближе... – настойчиво проговорил Ральмунд и поманил её пальцем. – Не бойтесь меня...

– Это легко сказать, но трудно сделать, – храбро возразила Амисалла, и Сомер в противоположном углу комнаты шлёпнул себя ладонью по лбу.

– Я хочу поговорить с Вами... нет, – Принц слабо мотнул головой, исправляясь, – я хочу попросить Вашей помощи. Садитесь тут, – и он похлопал по своему дивану.

– Нет!

– Тогда сюда, – неожиданно не став спорить, Ральмунд указал ей на место Оруэна. – А все остальные – вон. И не заходите, пока я не разрешу.

– Нет... постойте! Так нельзя! – со страхом вскрикнула Амисалла, но Оруэн, Сомер и пажи уже покорно заспешили к дверям.

Застывшая на лице Ральмунда улыбка вдруг сделалась

свирепой, предупреждая её о звере, сидящем внутри него.

– Врач обязан хранить тайну больного, – отдельно проговорил он, – а ведь Вы же врач?

– Нет... я только студентка... я всего месяц назад поступила в Академию, – забормотала Амисалла, пряча глаза и нервно постукивая пальцами по шахматной доске, которую Оруэн оставил на низком столике.

Ральмунд глубоко вздохнул; злость в его глазах сменилась полнейшим равнодушием.

– Вы – отличный врач. Об этом кричат газеты вот уже два года подряд. Послушайте, что я Вам сейчас скажу... и поклянитесь никому не открывать этой тайны.

– Клянусь, – твёрдо ответила Амисалла, прямо взглядывая в пустые и усталые глаза Принца.

– Иногда я сам себя боюсь... – тихим шёпотом, прерывающимся и потрясённым, сообщил ей он. – Я иногда не я. Я себя не помню. Убиваю и калечу в бреду. Вот сейчас кабанов разорвал и Лиэса напугал совсем не я, хоть Вы мне и не поверите, однако это определённо был не я, а что-то... другое. Вы не понимаете, как это страшно: просыпаться утром и потом ждать, когда случится припадок... а ещё страшнее думать, закончится ли он, или я так и умру... неконтролируемым? Вы же врач! Вы должны знать, как это лечится!

Принц глядел на неё, словно на свою последнюю надежду, и уже ничто в его глазах, в его побледневшем и измученном лице не намекало на свирепого зверя, растерзавшего ка-

банов и мучившего Лиэса, заставляя его смотреть на развороченные внутренности. «Лиэс неправ, – решительно подумала Амисалла, и сердце у неё наполнилось теплом изнутри, – он не чудовище. Он – потерявшийся несчастный человек, который сам себя боится. Ему нужна помощь...»

– Я постараюсь что-нибудь сделать, – ободряюще улыбнулась она Принцу и взяла его холодную руку в свою, – только пообещайте, что будете слушаться всех моих указаний.

– Всех? – протестуяще выдохнул Ральмунд.

– Вы хотите вылечиться? – скептически приподняв брови, осведомилась Амисалла.

– Да! Да! Эти припадки меня доконают, леди Виллиэн, а я хочу жить, понимаете?

– Конечно, понимаю, – успокаивающе зашептала она, – успокойтесь, не кричите. Я найду опытных врачей, и мы вместе...

– Нет! – глянув на неё страшно запыхавшимися глазами, закричал Ральмунд. – Никаких имперских врачей!

– Но почему? Они куда старше и умнее меня, они...

– Они всё р-разболтают! – прорычал Ральмунд, и его рука, лежавшая в руке Амисаллы, налилась свирепой силой. – Всё пр-родадут... Я им не верю! Только Вы, больше никого!

– Не кричите, – холодно повторила Амисалла. – Ещё раз начнёте буйствовать, и я уйду, Вам ясно?

Принц недоверчиво посмотрел на её сжавшиеся в ниточку губы, в её решительно горевшие глаза.

– Да...

– Тогда, – она снова улыбнулась, – начнём лечение. Выделите мне немного времени, чтобы я предупредила опекуна и перевезла свои вещи во дворец.

– А Вы вернётесь? – подозрительно осведомился Ральмунд, и его смертельно холодные пальцы до боли крепко стиснули её запястье.

– Конечно, вернусь, – терпеливо успокоила его Амисалла, – врачи не бросают своих пациентов, Ваше Высочество. Вы можете приказать, чтобы госпожа Фолди нашла мне комнату поближе к Вам? Так я смогу контролировать Ваши приступы. К сожалению, у меня нет сейчас успокоительного, но к следующей неделе я смогу приготовить его сама.

– Но это слишком долго! – в нетерпении воскликнул Ральмунд. – У меня приступы по несколько раз в день!!

– Всю эту неделю я просижу с Вами и прослежу, чтобы Вы не буянили, – улыбаясь уже через силу, сказала Амисалла, – я Вас теперь не боюсь. Только сделайте все распоряжения, пожалуйста. Я буду Вам очень благодарна.

Переполненная гордостью, Амисалла покидала комнату Ральмунда. Ей хотелось в эту же секунду схватиться за перо и отписать родителям о том, какая удача ей выпала, как ей повезло: получить пациента до начала учебного года в университете... Но она понимала, что своё счастье ей следует держать в себе: её родители едва согласились отпустить её в Империю, и она хорошо понимала, как они отреагируют,

узнав о Ральмунде. Она могла не сказать родителям, но утаить правду от Биркана было невозможно.

«Лучше будет, если он узнает всё быстрее», – решила Амисалла про себя, взбираясь в седло. Она погнала коня через Главную Площадь, чувствуя, как вечерний воздух приятно наполняет лёгкие и остужает горячую кожу. Стражники, уже получившие приказ от регента, беспрепятственно пропустили её через ворота, что, впрочем, не помешало им в своё удовольствие потыкать пальцами ей в спину и обругать её чересчур вольное поведение. Но обида уже стала для Амисаллы привычным фоном; она не могла помешать действовать. Погоня коня голосом, она торопилась домой, а на душе уже начинала скрестись тревога. По всем улицам зажигают факелы; не беспокоятся ли Биркан и Берта, ожидая её у дверей?.. Амисалла знала, что они ждут, что они волнуются, и это заставляло её стыдиться и мчаться быстрее, хотя лишние минутки уже ничего не изменили бы.

В пределах резиденции Биркана ярко горели все фонари; бдительные стражники в смешных красных шляпах прочёсывали каждый квадрат аккуратно подстриженной лужайки; около десятка караулило ворота. Тот самый кузен Сомера в этот раз был командиром охраны, он же и заметил приближение Амисаллы раньше всех.

– Госпожа Виллиэн! – сурово закричал он, попутно отпирая ворота дрожащими от радости руками. – Где Вы были?! Вы понимаете, какой опасности подвергали себя? Вы пони-

маете, в какую тревогу привели господина Каверно?

– Со мной всё в порядке, Крет, – улыбнулась ему Амисалла и спрыгнула с лошади на змеившуюся к дому дорожку, – вышла небольшая... задержка.

– Трёхчасовая, госпожа?

– Послушайте, не надо мне указывать! – фыркнула она и гневно взглянула в лицо стражника, полускрытое шляпой и тенью от неё. – Во всём я стану отчитываться только перед Бирканом; кстати, где он?

– Вот он, – холодно произнёс голос позади неё.

Вздвогнув, она медленно обернулась, и их взгляды столкнулись в ярко-жёлтом неестественном свете мощных фонарей. Скрестив руки на груди, Биркан в упор мрачно смотрел на неё; его кустистые брови были неумолимо сдвинуты на переносице. Сзади него Амисалла заметила жалкую фигурку Берты; уцепившись за его руку, она до сих пор плакала, и её тощая спина равномерно вздрагивала. Пристыженная, Амисалла опустила голову; все намерения вылетели у неё из головы от такой встречи.

– Идём домой, Амисалла, – подойдя к ней, Биркан решительно положил ей руку на плечо, – там всё и объяснишь.

Стражники, как она была уверена, все до единого с неодобрением смотрели ей вслед, пока она поднималась по резному крыльцу, полускрытому изящно вьющимся виноградом, и она не могла осудить их: ведь они, злясь на неё, были совершенно правы, ей не стоило так лгать... Не подни-

мая головы, Амисалла смотрела, как тёмно-фиолетовые тени проскальзывают по гладким доскам крыльца и скрываются внутри дома, где тоже повсюду, в каждой комнате, горело с десятков свечей и лампад.

В полном молчании Биркан и Берта провели её сквозь молчащий коридор. Сбившиеся в кучку в дальнем его конце горничные подняли на Амисаллу осуждающие взгляды, и она втянула голову в плечи. Ей казалось, что её лицо полыхает от стыда и загорится, если она заплачет – а плакать ей хотелось.

Тихий скрип и хлопок закрывающихся дверей известил её о том, что они очутились в гостиной, казавшейся сейчас намного больше и холоднее, чем раньше.

Биркан прошёл к своему креслу, что стояло посредине полукруга, образуемого другими диванами и креслами, и сел. Его холодный вопрошающий взгляд ранил Амисаллу больнее, чем это мог бы сделать кинжал, и ради того, чтобы он перестал смотреть на неё так, она готова была сразу сказать всю правду.

Осторожно обойдя Амисаллу по кругу, Берта присела на краешек дивана возле Биркана и потерянно уставилась на свои руки – они ещё дрожали.

– Ну, – тяжело подняв голову, усмехнулся Биркан, – скажи, где ты всё это время была. Не надо врать, что у Лаэстра; я проверил, у нас нет такого клиента. Итак, куда ты ездила?

– Я была на королевской охоте, – прошептала Амисалла

и украдкой выглянула сквозь спутавшиеся волосы.

Глаза Биркана расширились в неподдельном изумлении и гнев, он вытянул к ней голову и проскрежетал ужасным голосом:

– Вот как?

– Да! Я тебя не послушалась, потому что Сомер... – чуть не рыдая, прошептала Амисалла, – Сомер...

– Сомер?!

Голос Биркана прогремел так страшно, что Берта съёжилась в комочек, прижала руки к ушам и вздрогнула, а из глаз Амисаллы неукротимым ручьём полились слёзы. Едва не валясь на колени, она продолжала свою исповедь:

– Сомер столько всего рассказывал... мне стало интересно, и я поехала на королевскую охоту, и я познакомилась... познакомилась с Принцем, с наследником, с Ральмундом! И он попросил меня вылечить его от припадков, а я... я согласилась!

– Что? – очень спокойно, даже неестественно спокойно, спросил Биркан. – Так ли это стоит понимать, – его голос начал возрастать, словно наполняя помещение своим грозным рокотом, – что ты презрела мои запрещения и отправилась заводить дружбу с людьми, которые не могут причинить тебе ничего, кроме зла?

– Кем бы ни был Ральмунд, он в первую очередь – больной человек, которому нужна помощь, и я, как врач, не могу отказать ему! Я ещё не клялась по-настоящему, но я уже

чувствую свою ответственность за его жизнь, Биркан! И ведь это твой Принц, Биркан, это он будет править твоей страной уже через несколько месяцев, а ты же не хочешь иметь тирана на троне?

– Тиран у нас уже есть – Фолди! – рыкнул Биркан, одарив её жгучим взглядом. – И он будет фактическим правителем, пока Магия не приберёт его, наконец, в Измерение Мёртвых, так что мне наплевать на судьбу наследника! Мне не наплевать на *твою* судьбу, я не позволю тебе лечить буйного душевнобольного!

– Я уже пообещала ему, что я вылечу его! – сердито воскликнула Амисалла. – Я его не оставлю!

– Как ты его вылечишь, – заговорил Биркан, приподнимаясь в кресле, – если ты сама не понимаешь, как тебе удалось лечить раньше? Амисалла, пойми меня правильно; я ценю твой ум, но у тебя нет достаточного опыта. Ты делаешь Ральмунду только хуже, а за это регент посадит тебя в Тюремный Двор. Оттуда выходят либо на эшафот, либо на небеса. Я не хочу для тебя такой судьбы.

– Доверься мне! – обливаясь слезами, воскликнула Амисалла. – Я знаю, что делаю! Подумай, Биркан, пожалуйста, представь, что все врачи вдруг стали бояться лечить. Что тогда станет с миром? Все больные будут умирать, потому что у врачей не хватит смелости братья за них. Это в любом случае большая ответственность...

– Он – буйный душевнобольной, – повторил Биркан, сно-

ва впиваясь в неё тем самым взглядом, – для тебя опасно быть рядом с ним.

– У меня всё под контролем, – тяжело дыша, сказала Амисалла. – Ты сказал, что ценишь мой ум, Биркан. А если бы я была умна, то разве я сунулась бы к психически нездоровому человеку, не зная, как с ним сладить? Я умею готовить успокоительные настойки, и сам Ральмунд согласился делать всё, что я сочту нужным. Биркан, – она умоляюще заглянула к нему в глаза, вдруг начавшие снова по комнате, не останавливаясь на ней надолго, – Биркан, пожалуйста, отпусти меня. Если Ральмунд взбесится, Сомер и Оруэн мне помогут, они постоянно будут рядом.

– Оруэн Фолди? – неприязненно усмехнулся Биркан. – Сомневаюсь...

– Биркан! Долг врача – спасти чужие жизни. Пусть я пока не настоящий врач, но у меня есть знания и умения, и было бы ужасно, если бы я ими не воспользовалась, – медленно, уверенно и спокойно сказала Амисалла, взглядывая ему в глаза снова. – Многие не любят Принца; он действительно этого иногда заслуживает, но... Но он – такой же человек, как и мы все!

– Как и ты, – поправил её Биркан, и она сердито сказала:

– Хорошо, он – такое же разумное живое существо, как и мы все. На него тоже распространяется моя клятва. Я не знаю, что сказать родителям, Биркан, и я надеялась, что мне с этим поможет. Я не пропаду, обещаю.

Поднявшись из кресла, Биркан ступил к ней навстречу по дорожному ковру, и она увидела, как вверх взмывает его могучая тёмно-фиолетовая тень. Берта осталась сидеть на диване, но Амисалла чувствовала на себе её блестящий признательный взгляд.

Биркан положил обе руки ей на плечи, и она впервые всмотрелась в глубины его глаз, куда он никого из всех ей известных людей не допускал при ней. Но там она увидела нечто такое, что поразило её, выгнав всю враждебность к нему из её сердца. Он задал ей немой вопрос, и она так же немо на него ответила. Там, где нет слов, нет и лжи. Биркан поверил ей, и она поверила ему. Ощувив острый прилив тоски, она крепко обняла его, снова начиная обливаться горькими слезами.

– Я буду приезжать, Биркан, обязательно... – шептала она, сжимая руки. – Правда, Биркан, приеду...

– Будь настороже, – сказал он, успокаивающе похлопывая её по спине, – и, если что-то пойдёт не так, сразу возвращайся.

– Всё будет хорошо, – с уверенностью сказала Амисалла.

– А ещё лучше будет, если ты найдёшь, на кого можно положиться, – прибавила Берта, медленно приближаясь к ним.

Она не успела отстраниться, и Амисалла обняла и её, прижимая к себе так, словно это была их последняя встреча. Не было у неё на душе того радостного чувства, которое она испытывала, когда выходила от больного Ральмунда и во-

ображала себя настоящим взрослым медиком, каким мечтала стать. Она расставалась со второй семьёй и понимала это особенно чётко, когда смотрела сквозь застывшую пелену слёз на лица Биркана и Берты, вышедших провожать её с вещами до конца Купеческих кварталов. Они в кратчайшие сроки раздобыли ей извозчика, они помогли ей погрузить всё необходимое в экипаж, они стояли на дороге, махая ей в изменчивом блеске долговязых фонарей, пока вся улица не растаяла во мраке. Амисалла тряслась на сиденье, обхватив себя за плечи, и уныло вспоминая то прошлое, от которого сама по глупости отказалась.

Глава VI. Амисалла

Госпожа Фолди выделила Амисалле самые большие и удобные апартаменты, располагавшиеся в коридоре, соседнем с комнатами Принца, дабы ни в чём не стеснить её. Эту тревожную ночь, измотавшую её выносливость, Амисалла проспала в кровати, словно убитая, но с рассветом она, ещё не набравшаяся бодрости, механически скатилась с удобных перин и принялась приводить себя в порядок. Помятая и усталая, она как будто совсем не отдыхала, и душой до сих пор пребывала во вчерашнем дне. Едва плеснув себе в лицо холодной водой, она вдруг вспомнила разорванные напополам кабаньи туши, пышущее безумным торжеством лицо Ральмунда и хриплое голодное карканье омерзительно копошащейся туши ворон. Её бросило в холодную дрожь, она пошатнулась и схватилась за столбик кровати, чтобы не свалиться на пол. Глядя в пол, она бессвязно шептала себе под нос:

– Я ошиблась... Я ошиблась... я же боюсь его, я его до смерти боюсь... Как я смогу выстоять? Я убегу, я не сумею выдержать его припадок... Биркан был прав, мне страшно быть рядом с ним...

«Эти припадки меня доконают, леди Виллиэн», – чётко прозвучали у неё в голове слова Ральмунда, сказанные безразличным голосом больного, уже смирившегося с неизбеж-

ной смертью. Внутри неё поднялась волна протеста, оживляя притихшую гордость, и она опять почувствовала к Принцу жалость. Во дворце все трепетали очередного августейшего припадка, но она была врачом и не имела права бояться. От неё зависела жизнь Ральмунда, и никакие её сомнения и страхи не должны были препятствовать ей в работе. Больше здесь никто не поможет Принцу – неожиданно осознав это, Амисалла даже опустила ленту, которой собиралась завязать волосы, обратно на туалетный столик. Ей вдруг открылась жуткая истина: королевский двор нетерпеливо ожидает смерти Ральмунда, и, когда он умрёт, его тут никто не пожалеет. Ей вспомнились циничная полуулыбка Оруэна, лёд в глазах Лиэса, безразличное лицо Илкая и признание Сомера. Если ближайшие соратники Принца такковы, то что же думают о нём другие придворные? Теперь в глазах Амисаллы Ральмунд был не только тяжело больным, но и глубоко несчастным человеком...

До общего завтрака придворных, как сказала ей одна из горничных вчера, оставалось ещё около шести часов: почти никто здесь не поднимался раньше полудня. Амисалла сидела в своих приёмных покоях, перелистывая страницы учебника по медицине и не ожидая никаких визитов. Однако кто-то очень тихо и осторожно постучался в её дверь, и от неожиданности она даже вздрогнула на своём просторном диване.

– Да! Да, входите!

Лохматого человека, одетого по-чиновничьи, она совсем не знала и даже испугалась, когда он вырос на пороге, упираясь растрёпанной макушкой в притолоку.

– Леди Виллиэн, я полагаю? – гулким голосом спросил человек, слегка наклоняя массивную голову вниз, чтобы рассмотреть её.

– Да, это я, – взяв себя в руки, подтвердила Амисалла, – а Вы кто?

– Я Соул Лидеон, и меня послал за Вами Его Высочайшее превосходительство господин регент. Прошу пожаловать за мной.

Изумлённо вскинув брови, Амисалла молча поднялась и поспешила за Соулом, который, кажется, отнюдь не собирался задерживаться в её покоях. Повернувшись, он вышел в молчаливый коридор, где бесшумно сновали только проворные горничные, и, не заботясь о том, как она будет нагонять его, размашистыми шагами двинулся впереди неё. Амисалла трусила следом, и каблуки её туфель часто предательски стучали по блестящим камням пола. Каждый раз, когда этот клацающий звук возмутительно нарушал тишину, она стыдливо краснела и старательно напоминала себе: «Там до сих пор спят люди, ты не должна им мешать... Но всё-таки, когда они уже встанут?»

Повсюду во дворце царствовала мёртвая тишина, повсюду были потушены светильники. Она не представляла себе, где живёт регент, и не догадывалась, сколь долго они мо-

гут блуждать вдоль спящих комнат. Однако в одном просторном, длинном коридоре со спущенными тёмно-зелёными шторами Соул вдруг остановился, повёл лохматой головой влево и шумно втянул ноздрями воздух (Амисалла едва заметно поморщилась). Он впервые за всё время путешествия обернулся к ней и сообщил низким шёпотом:

– Вот комнаты господина регента, – и указал на одну из дверей, совершенно ничем не отличающуюся от других дверей, располагавшихся от неё на огромном даже для дворца расстоянии.

Замедлив шаг так, чтобы Амисалла не отставала от него, он подошёл к двери ближе и несколько раз постучал. Некоторое время они стояли в молчании, напряжённо ожидая ответа. Соул вдруг посторонился, одной рукой придвинув Амисаллу, как пушинку, ближе к себе. Как оказалось, это было нелишним: ибо в следующее мгновение дверь широко открылась, и, если бы Амисалла и Соул остались на своих местах, она неминуемо ударила бы их. В коридоре, ведущем в покои регента, стоял, недружелюбно сжав губы и холодно блестя глазами, Лиэс. На Соула он посмотрел бегло и невнимательно, сконцентрировавшись исключительно на Амисалле.

– Леди Виллиэн, – сухо и официально обронил он, но иглы в его глазах, словно противореча его тону, мягко прогнулись назад и задрожали.

– Лиэс, – тепло улыбнулась ему Амисалла, – рада Вас ви-

деть...

– Господин регент желает видеть Вас, – ледяным тоном сообщил ей Лиэс. Глубоко вздохнув, он посмотрел на Соула с отголоском сожаления и дрогнувшим на мгновение голо- сом прибавил: – А ты ступай к Картенеру. Леди Виллиэн, идёмте со мной.

Дверь покоев мягко прикрылась за ними, и единственным источником света для неё стали только медленно горевшие в плошках длинные восковые свечи и подвешенные к потолку лампы. Лиэс шагал впереди неё, она видела, как напряжены его плечи, хотя он старался казаться невозмутимым. Она старательно пыталась нарисовать себе портрет все- сильного регента Империи, о котором ходило столько слухов в Хевилоне; она пыталась представить, каков же этот чело- век, чьего гнева все трепещут, и не гневается ли он на неё сейчас. Ведь она взялась лечить Ральмунда, она отважилась отвоёвывать его у смерти, и непонятно, как к этому отнесёт- ся большая часть Империи...

Коридор кончился, и они с Лиэсом очутились в большой, светлой комнате с раздвинутыми шторами и распахнутыми окнами, полной свежести летнего утра. Навстречу им, отсту- пая от окна, обернулся регент.

Она ожидала увидеть страшного человека с грозными гла- зами, мечущими молнии, с бровями, постоянно соединён- ными на переносице, дабы внушать ещё больший ужас всем соперникам. Зная, что регент ещё и маршал Империи, два-

дцать лет назад отличившийся в Гражданской Войне, она добавила к его образу военный мундир, увешанный орденами и медалями, и с пятёрку зловещих шрамов, похожих на те, которые оставляют когти взбешённого гибрида.

Но регент оказался самым обычным, приятным на вид человеком, далёким от того идеала грозности, который она всегда себе представляла. Мало того, что он был совсем не страшным, но он ещё и одарил её светлой широкой улыбкой, и это привело её в полнейшее замешательство.

– Леди Виллиэн! Большая честь увидеться с Вами, – сказал регент и совершенно непринуждённо протянул ей руку, словно в его стране все с незапамятных времён приветствовали женщин рукопожатиями. – Прошу, присаживайтесь, располагайтесь...

Немало польщённая, Амисалла пожала ладонь регента и с возросшим интересом принялась изучать его. Она мгновенно отметила седину в его волосах, тонкие морщинки, как гусиные лапки, собравшиеся в уголках его глаз, и неподдельную заинтересованность, которой в Империи её одаривали лишь Берта и Биркан. От этого ей сразу сделалось легче и приятнее общаться с регентом, словно не замечавшим её возраста и пола. А она так устала слышать: «Вы же леди, Вам это нельзя! Вы ещё слишком молоды, Вам этого не понять!» Машинально повинувшись, она опустила в одно из кресел, регент устроился напротив, чтобы иметь возможность хорошо её видеть.

– Не желаете ли чашки чая, леди Виллиэн?

– Да, Ваше Высокоп... Высокопревосходительство, – едва выговорила Амисалла и глубоко вздохнула: чтобы прибавить к этому титулу «господин регент», ей понадобилась бы ещё одна порция воздуха.

Но регент прервал её потуги одним мягким поднятием ладони. Снова ей приветливо улыбнувшись, он заметил:

– Думаю, нам ни к чему эти официальности, леди Виллиэн. Говорите: «господин Фолди», это сэкономит немало времени.

– Немало признательна, – улыбаясь в ответ, сказала Амисалла, – понимаете, мои родители родом из Империи, но я всё-таки не очень хорошо знаю ваш язык, простите...

– У Вас неплохое произношение, – похвалил её регент, и она почувствовала, как гордо краснеет, – вскоре Вы освоитесь с нашим языком. Лиэс, – он обернулся к тому, увлечённо копавшемуся в какой-то книге, – прикажите Алии приготовить чай.

– Сейчас, господин отец, – покорно откликнулся Лиэс и поспешно вскочил из кресла.

– Отец?! – Амисалла перевела ошарашенный взгляд на регента, надеясь, что она ослышалась, и это совсем не так...

– Мой младший сын, – спокойно подтвердил регент, – старшего, Оруэна, полагаю, Вы уже знаете.

– Да... он очень близок к Его Высочеству... – рассеянно подтвердила Амисалла. – Знаете, состояние здоровья Его

Высочества меня очень беспокоит... – она вскинула взгляд на регента и, убедившись, что он внимательно её слушает, продолжила говорить, чувствуя, как крепнет её голос, – ведь он уже очень давно болен, и я уверена, что он не был бы так плох, если бы вы не запустили его болезнь! Я не упрекаю ни в чём Оруэна и Сомера, но ведь Вы, господин Фолди, Вы могли что-то предпринять! Разве в Империи нет врачей, которые могли бы взяться за Его Высочество? Я сомневаюсь!

Сердито вздохнув, она почти враждебно взглянула на регента, но тут же устыдилась собственной несдержанности и прошептала:

– Простите...

– Ваши нападки совершенно справедливы, леди Виллиэн, – неожиданно согласился регент, склоняя перед ней голову в знак своего сожаления, – я всё это время был свидетелем развития болезни Его Высочества, и...

– И Вы ничего не сделали! – буркнула Амисалла, скрепя руки на груди.

– Прошу, выслушайте меня до конца, – вежливо попросил её регент и, вздохнув, продолжил: – Болезнь Его Высочества – врождённая. И вылечить её нельзя. Во всяком случае, так сказали лучшие врачи Империи, созванные мной после первого же припадка у Его Высочества.

– Ваши врачи лгали! – с горячностью возразила Амисалла. – Я берусь вылечить Его Высочество, господин Фолди, я смогу, я не позволю ему так мучиться...

– Обязательное качество для врача – доброе сердце, – заметил регент, внимательно взглянув на неё, – и Вы им, леди Виллиэн, обладаете.

– Почему никто не лечил Его Высочество? Почему вы все просто смотрели, как он умирает?

– Как верные подданные, мы старались облегчить страдания Его Высочества, – возразил регент, – ему не сулили долгой жизни, и для нас каждый её час – как подарок. Его Высочество бесконечно дорог всем нам, как долгожданный первенец Её Величества Влеоны, – регент глубоко вздохнул, – но особенно он дорог нашей семье. Мы вырастили Его Высочество, как собственного сына, и обвинять нас в том, что мы могли желать ему смерти...

– Я Вас совсем не обвиняла! – покраснев до слёз, Амисалла вскочила с кресла. Но ведь она действительно только что заявила Фолди, что он и его семья ждали смерти Принца... – Простите, простите, но я вовсе не об этом хотела сказать, Вы не так меня поняли!

– Сядьте, леди Виллиэн, – остановил её регент, – не стоит извиняться.

Снова бесшумно отворилась дверь: это Лиэс метнул на отца вопрошающий взгляд и, получив немое разрешение, подвинулся, чтобы дать дорогу дряхлой служанке с подносом. Служанка безмолвно пересекла комнату, водрузила поднос на стол между регентом и Амисаллой и, отвесив обоим по глубокому поклону, семенящей походкой скрылась

за дверями. Лиэс незаметно проскользнул внутрь и снова устроился в кресле, словно тень, с книгой в руках и сосредоточенным выражением на отстранённом лице. Растерянная, Амисалла медленно опустилась в кресло и виновато прошептала:

– Это не Ваша вина, это Ваши врачи... но я всё исправлю, я обещаю, что исправлю всё, господин Фолди! Мне нужно приготовить несколько успокаивающих растворов для Его Высочества, но это займёт много времени, Вы не могли бы подсказать мне, кто может помочь?

– Лиэс будет Вашим помощником, – просто сказал регент, – и он поможет Вам связаться со всеми знахарями во дворце. Леди Виллиэн, Вы стали нашей первой надеждой за эти долгие годы, и я не пожалею ничего, чтобы посодействовать Вам.

Амисалла застенчиво улыбнулась и, приподняв с подноса чашку, коснулась губами дымящегося тёмного чая. Восхищённо приоткрыв глаза, она прошептала:

– Чудесно...

– Королевский чай, – с улыбкой пояснил регент, – рецепт его приготовления передаётся из поколения в поколение.

– Знаете, – осмелев, заявила Амисалла, – я начинаю всё больше любить Империю. Нам в пансионе рассказывали столько страшных вещей о вас, но оказалось, что из них нет и половины правды! Я, конечно, очень многого здесь не понимаю, особенно в рабстве отверженных и в женских пра-

вах, но ведь Вы со всем этим покончите? Я думаю, Империя до сих пор ничего не изменила потому, что ваши граждане очень редко бывают за границей, а там многому можно поучиться, если искать правильные примеры...

Лиэс закашлялся в своём углу, и Амисалла мгновенно пришла в себя. Опять начиная заливаться краской и проклинать свою бестактную болтливость, она едва нашла в себе силы поглядеть на регента. Её удивление перешло всяческие границы, когда она поняла, что он смотрит на неё с уважением!

– Такие люди, как Вы, леди, редко мне встречались, – пояснил он, – и в последний раз это случилось очень давно.

– Значит, я могу рассчитывать на Вашу помощь?

– Конечно...

* * *

Когда Амисалла покинула общество регента, стрелки дворцовых часов приближались к полудню, что означало скорое пробуждение всего королевского двора. Лиэс шёл где-то позади неё, но она старалась на него не оглядываться: она уже заметила, что он её презирает. И почему? Она спрашивала себя, доискиваясь иных причин, в то время как ей стоило бы обратить внимание на самую очевидную из них. Она – женщина, а при этом осмеливается ездить на охоту, спорить с регентом Империи, носить мужское платье и работать врачом. «Действительно, за подобные вольности меня стоит расстрелять», – с мрачным сарказмом подумала Ами-

салла и, упрямо сжав губы, решительно постучалась в запертые двери покоев Принца. Изнутри раздался приглушённый голос Сомера:

– Прости, Амисалла, но Его Высочество пока отдыхает...

– Отдыхает?! – она закусила губу и ещё усерднее застучала кулаком по двери. – Сомер, он – мой пациент! Открой немедленно! Ему нельзя спать так долго, иначе он будет гораздо злее!

– Леди Виллиэн, – сказал Лиэс, прислоняясь к стене, – Ральмунд гневается, если ему противоречат. Попробуйте сейчас войти без его разрешения – и он размозжит Вам голову.

– Помолчите, господин Лиэс, Вы ничего не понимаете! – осадил его Амисалла и ещё раз стукнула в дверь. – Ваше Высочество! Ваше Высочество, да откройте же мне, наконец! Это, в конце концов, невежливо!

Поперхнувшись своими упрёками, она попятилась от медленно растворяющейся двери. Лиэс мрачно вздохнул:

– Вот, сейчас начнётся...

Она была бы рада возразить Лиэсу, но тот оказался прав. Все её упрёки заглушил звериный рёв Принца, лежавшего на том же диване, что и вчерашним вечером. Мгновенно приняв сидячее положение, он впился в Амисаллу бешено сужившимися глазами и закричал так, что содрогнулись потолки, и придворные, суетившиеся вокруг него, боязливо прижались к стенам и замигали так, как будто могли сию же

секунду расплакаться от ужаса.

– Как ты посмела сюда войти?! У тебя нет ушей, если ты не слышишь предупреждений? Чёртова женщина!!

«Чёртова женщина?!» – разъярённо повторила Амисалла про себя. Преисполнившись почти такой же ярости, что и Ральмунд, гневно косившийся на неё расширенными глазами, радужная оболочка которых превратилась в узкую кайму около зрачков, она решительным летящим шагом приблизилась к нему и нависла над ним.

– Я – Ваш врач! Если хотите жить нормальным человеком, лучше слушайте меня! Я не позволю Вам помыкать мной, а никто больше не захочет терпеть Ваш дурной характер!

– Ты... ты... – Ральмунд сжал кулаки, и его зрачки сделались столь холодны, что она почувствовала слабую дрожь, задевшую её решимость. Но это колебание было мгновенным: она вновь взяла себя в руки и с полным достоинства спокойствием стала изучать его лицо.

Не выдержав этого, Принц испустил короткий вздох и рухнул обратно на подушки. Его взгляд, обесмыслившись, приковался к потолку – точно так же, как и вчера. Обведя королевское общество ледяным взглядом, Амисалла села на диван рядом с Принцем, взяла его пылающую руку и принялась отсчитывать пульс, стучавший болезненно быстро и прерывисто.

– Припадок... – простонал Ральмунд и прикрыл глаза, – ещё и утро не начиналось, а он уже... уже случился!

– Никакой у Вас не припадок, – твёрдо произнесла Ами-салла и выпустила его руку, – это из Вас лезут Ваш мерзкий характер и плохое воспитание.

– Да что ты, неразумная хевилонская женщина, можешь знать о воспитании? – злобно прорычал Ральмунд. – Ты не знаешь ничего о предназначении Короля! Не тебе меня судить!

– Осмелюсь возразить, – через силу улыбнулась ему Ами-салла, – что я не неразумная, я – медик, и Вы сами же себе противоречите, раз зовёте меня дурой и просите Вас лечить. Король – такой же человек, как и все остальные, так что не заноситесь, пожалуйста, иначе мне будет трудно найти с Вами контакт. Если Вы будете ругать меня и прятаться, у нас ничего не получится. А ведь Вы хотите быть здоровым, Ваше Высочество?

– Хочу...

– Вот и славно, – теперь улыбка на её лице не была принуждённой, – значит, мы сейчас же начнём лечение. Господин Оруэн, – она обернулась к Оруэну и поманила его пальцем, – Вы не можете помочь господину Лиэсу найти мне помощников? Пусть приготовят успокаивающие настойки из зверобоя, я уверена, в вашей библиотеке должны быть труды Аза Фетова: «Лечение нервных болезней». Я буду Вам очень признательна, если Вы принесёте нам эту книгу.

– Буду рад помочь, леди Виллиэн, – учтиво прижав ладонь к сердцу, откликнулся Оруэн. – Идем, Лиэс!

– А все остальные, господа, – она твёрдо посмотрела на королевское общество, – пожалуйста, оставьте Его Высочество одного. Ему совсем ни к чему парад лиц.

– Я не привык начинать день в одиночестве! – протестуяще вскрикнул Ральмунд и приподнялся на диване.

– А Вы и не будете одни, – ласково успокоила его Амисалла, – с Вами посижу я и Сомер. Сомер, ты можешь сыграть что-нибудь для Его Высочества? Ведь ты говорил, у тебя есть скрипка...

– Конечно, – с улыбкой кивнул Сомер, – но её нужно принести.

– Пока ты будешь искать, мы с Его Высочеством поговорим. Я должна узнать Вас лучше, – настойчиво заговорила она, глядя в холодные глаза Ральмунда, – если мы станем друзьями, мне будет легче Вас вылечить.

– Друзьями – с женщиной? – высокомерно хмыкнул Ральмунд и поджал губу. – Да что ты такое говоришь?

– А я говорю неправильно? – Амисалла вскинула бровь. – Ведь мы с Вами общаемся на равных. В Хевилоне, – она устремила мечтательный взгляд к потолку, вспоминая свою родину, бесконечно далёкую сейчас, – женщинам не нужно унижаться перед мужчинами; все у нас живут счастливо и мирно трудятся на благо страны...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.